

Алексис Хендерсон

«Книга, что будет являться вам во снах».

КРИСТИНА ГЕНРИ

ГОД ВЕДЬМОВСТВА

НОВЫЙ МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Новый мистический триллер

Алексис Хендерсон

Год ведьмовства

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хендерсон А.

Год ведьмовства / А. Хендерсон — «Издательство АСТ»,
2020 — (Новый мистический триллер)

ISBN 978-5-17-136437-3

17 лет назад Глубокой темной ночью молодая женщина, отвергнутая всеми жителями своей деревни, умирает на кровавом ложе. На ее измученном лице играет полуулыбка, взгляд устремлен в омытый лунным светом лес. Последними словами девушки, что услышала повитуха после рождения ребенка несчастной, становятся: «Проклятие... маленькое проклятие, как она и говорила...». А затем тошнотворный булькающий смех разливается по всему дому, предвещая неминуемую катастрофу. Наше время Юная Иммануэль изо всех сил старается жить по законам Церкви и следовать Священному Писанию. Она не должна сомневаться в необходимости строгих правил – ведь именно здесь, на окраине Вефиля, первый Пророк победил могущественных ведьм и очистил землю от Зла. Случай заманивает Иммануэль в запретный лес, где она получает в дар дневники умершей матери и узнает правду о настоящей истории Церкви. Полная решимости, она начинает действовать, потому что реальную угрозу для Вефиля представляют не далекие злые силы, а те, что живут рядом каждый день.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-136437-3

© Хендерсон А., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	7
Часть первая	8
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	28
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алексис Хендерсон

Год ведьмовства

Copyright © 2020 by Alexis Henderson

© Е. Шульга, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Маме, которой я обязана всем.

Пролог Зверь

Девочка родилась глубокой темной ночью. Она шла ножками вперед, и повитухе Марте пришлось ухватить ее за пятки, чтобы вытянуть из утробы. Беспрепятственно выскользнув наружу, дитя обмякло на руках у Марты и осталось лежать неподвижно, как камень.

Дочь повитухи издала протяжный стон, шедший из самой глубины ее чрева. Она вцепилась в подол ночной сорочки, почерневший от крови, и даже не протянула рук к младенцу. Девушка лишь отвернулась и, прижавшись щекой к кухонному столу, уставилась в окно над раковиной, устремив взгляд в лес.

– Имя, – потребовала она, ярко сверкнув глазами в лунном свете. – Назови мне ее имя.

Повитуха перерезала младенцу пуповину и запеленала в лоскут мешковины. Девочка, прижатая к груди повитухи, была холодна, как ледышка, и та сочла бы ее мертвой, если бы не имя, свербящее у нее в горле, на вкус горькое, как желчь, и вместе с тем сладкое, как вино. Вкус имени, которым нарек ее Отец. Но произносить его вслух она не спешила.

Собрав остатки сил, девушка повернулась к повитухе.

– Имя. Мне нужно знать ее имя.

– Иммануэль, – наконец процедила та, словно проклятие. – Ее будут звать Иммануэль.

Услышав эти слова, девушка на столе растянула в улыбке посиневшие губы. А затем расхохоталась тошнотворным булькающим смехом, что разлился по всей кухне и выплеснулся в гостиную, где сидели остальные члены семьи, ожидая и прислушиваясь.

– Проклятие, – прошептала она, продолжая улыбаться сама себе. – Маленькое проклятие, как она и говорила. Все в точности, как она и говорила.

Повитуха крепко прижала дитя к груди, сцепив пальцы в замок, чтобы унять дрожь, и посмотрела на дочь, неподвижно лежащую на столе в луже темной крови, натекшей меж ее бедер.

– Как говорила кто?

– Женщина в лесу, – прошептала девушка на последнем издыхании. – Ведьма. Зверь.

Часть первая
Кровь

Глава 1

*Из света вышел Отец. Из темноты – Мать. Это было начало, и
это был конец.
Священное Писание*

Иммануэль Мур стояла на коленях у подножия алтаря, приоткрыв рот и молитвенно сложив ладони. Над ней, в одеянии из черного бархата, с колюче обритой головой, возвышался пророк, раскинув окровавленные руки.

Она посмотрела на него исподлобья, очертив взглядом длинный, рваный шрам, расщеливший его шею с одной стороны, и подумала о своей матери.

Пророк, прошелестев сутаной, отвернулся от нее и встал лицом к алтарю, где лежал выпотроженный ягненок. Он опустил ладонь животному на голову, а пальцы другой руки погрузил глубоко в рану. Когда он снова повернулся к Иммануэль, кровь текла по его запястью, исчезая в темных складках рукава. Несколько капель упали на запачканный дощатый пол у его ног. Пророк помазал девушку кровью, теплыми и твердыми пальцами спустившись от верхней губы к подбородку, и после застыл на мгновение, словно переводя дыхание. Когда он заговорил, голос его звучал нетвердо.

– Кровь паствы.

Иммануэль облизала губы и поднялась на ноги. Привкус соли и железа остался на ее губах.

– Во славу Отца.

Возвращаясь к своему месту на скамье, она старательно отводила глаза от ягненка. Она сама привела его сюда прошлой ночью, в качестве дани, как подношение из дедовой отары, когда в соборе было темно и пусто. На заклатие она не осталась – извинилась и удалилась задолго до того, как апостолы занесли свои топоры. И все равно услышала, когда бляенье ягненка, словно плач новорожденного младенца, заглушило их молитвы.

Иммануэль наблюдала, как поочередно проходили через обряд остальные члены ее семьи, пока каждый из них не был помазан кровью. Первой шла ее сестра Глория – она, опустившись на колени, одарила пророка улыбкой. Мать Глории, Анна, младшая из двух жен Мур, благословила второпях, ведя за собой свою вторую дочь, Онор, которая слизывала с губ кровь, словно это был мед. Наконец, благословение пророка приняла Марта, старшая жена и бабушка Иммануэль. Она вскинула руки, и пальцы ее дрожали, когда все ее тело омыло силой света Отца.

Иммануэль хотела бы испытать то же, что ее бабушка, но, сидя на скамье, она ощущала лишь тепло крови ягненка, оставшееся на губах, и мерный гул сердцебиения. Ангелы не спустились к ней на плечи. Она не почувствовала внутри ни духа, ни бога.

Когда последний из прихожан сел, пророк воздел руки к потолку и приступил к молитве.

– Отец наш, мы стоим пред Тобой, Твои верные слуги и ученики, готовые исполнить волю Твою.

Иммануэль поспешно опустила голову и крепко зажмурилась.

– Кто-то из нас может быть далек от веры наших предков, нем к прикосновению Отца и глух к Его голосу. За них я взываю к Его милости. Я молюсь, чтобы они нашли утешение не во тьме Матери, а во свете Отца.

При этих словах Иммануэль приоткрыла один глаз, и на мгновение ей показалось, что пророк смотрел прямо на нее. Его широко распахнутые даже в пылу проповеди глаза следили за ней промеж склоненных голов и сотрясающихся плеч. Их взгляды встретились, и пророк быстро отвернулся.

- Да придет царствие Отцово.
- *Отныне и во веки веков*, – в унисон подхватила паства пророка.

Иммануэль и ее подруга Лия лежали на берегу реки, плечом к плечу, разморенные теплом полуденного солнца. Поодаль отдельной компанией собирались остальные прихожане. Для большинства жертвоприношение, омрачившее мессу, успело стать далеким воспоминанием. Все было мирно, и прихожане охотно радовались этому.

Лежавшая рядом с Иммануэль Лия перевернулась на спину, разглядывая облака, густо нависшие над головой. Она была чудо как хороша в платье из небесно-голубого шифона, юбки которого мягко раздувались на ветру.

- Хороший сегодня день, – сказала она и улыбнулась, когда порыв ветра тронул ее волосы.

В Писании и преданиях, в соборных витражах и на картинах, которые украшали каменные стены, ангелы всегда выглядели как Лия: златовласые и голубоглазые, разодетые в тонкие шелка и атлас, с округлыми щеками и кожей, бледной, как речной жемчуг.

А вот о девушках вроде Иммануэль – о девушках с Окраин, темнокожих, с черными, как вороново крыло, кудрями и острыми, как бритва, скулами – в Писании вообще не упоминалось. Их образы не увековечивали в портретах и статуях, им не посвящали стихов и романов. Они оставались незамеченными и невоспетыми.

Иммануэль постаралась выбросить эти мысли из головы. Она не хотела завидовать подруге. Если кто в этом мире и заслуживал любви и восхищения, так это Лия. Лия с ее терпением и добродетелью. Лия, которая, когда другие дети отвергли Иммануэль, называя ее плодом греха, пересекла школьный двор, подошла к ней, крепко взяла за руку и вытерла ее слезы своим рукавом.

- Лия, ее подруга. Единственная подруга.

К тому же, Лия была права: день стоял изумительный. Практически безупречный, если бы не то обстоятельство, что сегодняшняя суббота была одной из последних в своем роде – одной из последних суббот, которые они проведут вместе.

В течение многих лет, каждую неделю они встречались после окончания службы. В зимние месяцы – устраивались на пустой скамье в задней части собора и коротали время за сплетнями. В теплое время года Лия приносила большую корзину для пикника, доверху набитую выпечкой из их семейной пекарни в деревне. В особенно счастливые дни они обнаруживали там россыпь печенья и сдобы, булочек и кексов, а в самые счастливые – медовые соты или варенье. Вдвоем они находили местечко у ручья и уплетали сладости, болтая и смеясь, пока их не звали по домам. Так было у них заведено, словно в те долгие дни мир начинался и заканчивался там, на лугу у реки. Но, как и большинство хороших вещей в жизни Иммануэль, этому не суждено было длиться долго. Через две недели Лия собиралась сыграть свадьбу с пророком. В тот день, когда она получит печать, она перестанет быть спутницей Иммануэль, и станет его спутницей.

- Мне будет не хватать этих дней, – нарушила молчание Лия. – Мне будет не хватать сладостей, наших суббот и времени, проведенного здесь с тобой.

Иммануэль пожала плечами, выдергивая травинки, и проследила взглядом за течением реки, убегающей вниз по холмистой равнине и через камыши утекавшей в далекий лес, где она исчезала, проглоченная мраком.

То, как река струилась меж деревьев, вызывало в Иммануэль необъяснимое желание подняться на ноги и последовать за ней.

- Все хорошее когда-нибудь кончается.
- Ничего не кончается, – возразила Лия. – Все только начинается. Мы взрослеем.
- Взрослеем? – хмыкнула Иммануэль. – У меня даже дни крови не начались.

Это была правда. В ее почти семнадцать у Иммануэль еще ни разу не было месячного кровотечения. У всех ее ровесниц кровь приходила уже много лет, но не у Иммануэль. У всех – кроме Иммануэль. Марта уже несколько месяцев назад готова была объявить ее бесплодной. Если у нее не пойдет кровь, она никому не станет женой и никогда не выносит ребенка. Она останется такой, как сейчас, а все остальные вырастут, оставив ее позади, как оставит ее Лия через несколько коротких недель. Это был лишь вопрос времени.

– Начнутся рано или поздно, – решительно сказала Лия, будто своим заявлением могла воплотить слова в жизнь. – Ты только дай время. Эта болезнь пройдет.

– Это не болезнь, – сказала Иммануэль, ощущая на губах привкус крови ягненка. – Это грех.

Какой именно грех, Иммануэль не могла бы сказать точно. Слишком часто она сворачивала на кривую дорожку: тайком читала, нарушая Священные Предписания; забывала о вечерней молитве и засыпала без благословения. Возможно, она слишком часто витала в облаках по утрам на пастбище вместо того, чтобы пасти овец. Или, возможно, не выказывала должной благодарности, когда получала на ужин миску холодной каши. Иммануэль знала одно: на ней висело слишком много грехов, чтобы их сосчитать. Немудрено, что она не получала от Отца благословение кровью.

Если Лия и знала о многочисленных проступках Иммануэль, то не упоминала об этом. Она лишь отмахнулась от нее легкомысленным жестом.

– Грехи могут быть прощены. Когда милостивый Отец сочтет нужным, кровь придет. А после тебя возьмет мужчина, и ты станешь его, и он станет твоим, и все будет так, как и должно быть.

На это Иммануэль ничего не ответила. Щурясь на солнце, она смотрела в поле, туда, где стоял среди своих жен пророк, щедро благословляя столпившихся вокруг него прихожан и раздавая им назидания. Все его жены были одеты в одинаковые тускло-желтые платья цвета лепестков нарцисса, у всех меж бровей была высечена восьмиконечная звезда – святая печать, которой помечали всех женщин Вефиля в день их бракосочетания.

– Уж лучше я буду и дальше пасти овец, – сказала Иммануэль.

– А когда ты состаришься, что же? – спросила Лия. – Что тогда?

– Буду престарелой пастушкой, – заявила Иммануэль. – Старой каргой, пасущей овец.

Лия рассмеялась, звонким и мелодичным смехом, привлечшим внимание окружающих. Она всегда умела приковывать к себе взгляды.

– А если мужчина попросит твоей руки?

Иммануэль хмыкнула.

– Ни один порядочный мужчина, если он в своем уме, не захочет иметь со мной ничего общего.

– Глупости.

Иммануэль перевела взгляд на компанию юношей и девушек ее возраста или чуть старше. Они хохотали и кокетничали, дурачась. Юноши выпячивали грудь колесом, а девушки, задрав юбки выше колен, резвились в воде у берега речки, стараясь не заходить далеко из страха перед бесами, что водятся на глубине.

– Ты же знаешь, что я все равно буду навещать тебя, – сказала Лия, словно почувствовав страх Иммануэль. – Мы будем видеться по субботам, и, когда закончится мое затворничество, я буду приходить к тебе на пастбище – каждую неделю, если смогу.

Иммануэль переключила внимание на разложенную перед ними еду. Взяв из корзины для пикника ломоть хлеба, она густо намазала его свежим маслом и кроваво-малиновым джемом. Она откусила большой кусок и процедила с набитым ртом:

– Святые Земли слишком далеко от Перелесья.

– Я найду способ.

– Все равно это не то же самое, – протянула Иммануэль с капризной интонацией, за которую тут же себя возненавидела.

Лия понуро опустила голову. Большим пальцем она покрутила кольцо на правой руке – нервная привычка, которая завелась у нее в первые дни после помолвки. Кольцо было красивым – золотое, увенчанное маленькой речной жемчужиной, скорее всего, какая-нибудь фамильная реликвия, которая досталась ей от жен пророков прошлых поколений.

– Хватит и этого, – глухо отозвалась Лия. Затем, более твердо, словно пытаясь убедить себя: – Должно хватить. Даже если мне придется всю дорогу скакать на коне пророка, я найду способ увидеться с тобой. Я не допущу, чтобы все изменилось. Клянусь.

Иммануэль хотелось ей верить, но она слишком хорошо умела распознавать ложь, и сейчас она чувствовала в голосе Лии некоторую фальшь. Однако она не стала акцентировать на этом внимание. Ни к чему хорошему это все равно не приведет: Лия была обещана пророку с того дня, как он впервые увидел ее два лета назад. Кольцо, надетое ей на руку – лишь формальность, обет, отлитый в золоте. В положенное время этот обет примет форму семени, которое пророк изольет в нее. Лия родит ему ребенка, и пророк продолжит сеять свое семя, как делал это со всеми своими женами, когда те были еще достаточно молоды, чтобы выносить его плод.

– Лия!

Иммануэль подняла голову и увидела, что ребята, гулявшие по речному берегу, приближаются к ним и машут руками. Их было четверо. Две девушки: симпатичная блондинка, с которой Иммануэль пересекалась лишь мимоходом на уроках в школе, и Джудит Чемберс, молодая жена пророка. Их сопровождали парни. Питер – широкоплечий батрак, сложенный как бык и настолько же образованный, – был сыном первого апостола. Рядом, шурясь от солнца, шел Эзра, сын и преемник пророка.

Эзра, высокий и темноволосый юноша с чернильно-черными глазами, был красив почти до неприличия и притягивал взгляды даже самых благочестивых жен и дочерей. Хотя ему едва исполнилось девятнадцать, на цепи вокруг шеи он уже носил один из двенадцати золотых апостольских кинжалов – честь, которой большинство вефильских мужчин не удостоивались и за всю жизнь, несмотря на все старания.

Блондинка, окликнувшая Лию – Хоуп, – заговорила первой:

– Похоже, вы вдвоем отлично проводите время.

Лия поднесла ладонь ко лбу, заслоняясь от солнца, и улыбнулась им.

– Присоединяйтесь!

Иммануэль выругалась про себя, когда все четверо расположились на траве рядом с ними. Амбал Питер сразу начал рыться в их корзине для пикника, и щедро угостился хлебом с вареньем. Хоуп втиснулась между Иммануэль и Лией и тут же принялась делиться свежими городскими сплетнями – по большей части новостями о какой-то бедняжке, которую заковали в базарные колодки за то, что она склонила местного фермера к прелюбодеянию. Эзра занял место напротив Иммануэль, а у него под боком, так близко, что они соприкасались плечами, пристроилась Джудит.

Они все говорили и говорили, а Иммануэль изо всех сил старалась вести себя тихо и незаметно, как мышка, мечтая стать невидимкой. В отличие от Лии, светских бесед она не переносила. В сравнении с грациозными и обаятельными Хоуп, Лией и Джудит, она казалась самой себе простушкой, совсем как кукурузная кукла ее сестры.

Сидевший по ту сторону корзины для пикника Эзра тоже молчал. Его церемониальный кинжал сверкал на солнце, а сам он казался рассеянным, почти скупающим, он даже не утруждался кивать по ходу разговора, то и дело скользя взглядом по равнинам вдаль, с востока на запад, а затем обратно. Он вглядывался в горизонт, словно что-то искал, и Иммануэль против воли задалась вопросом, что именно. Эзра еще не испытал своего Первого Видения и не мог

испытать, пока жизнь его отца не начнет подходить к концу. Таков был принцип преемственности: пробуждение сил молодого пророка всегда вело за собой гибель старшего.

Расположившаяся рядом с Эзрой, Джудит слизывала масло с кончиков пальцев, с прищуром поглядывая на Иммануэль из-под густой бахромы ресниц. На ней было такое же желтое платье, как и на других женах пророка, но оно слишком плотно облегалo ее тело, чтобы можно было назвать его скромным. Юбки путались вокруг ее ног, а лиф был туго затянут и ужимал талию, подчеркивая изгиб бедер под складками подъюбников. Печать между бровями пока оставалась розовой и слегка припухшей, но заживление явно шло быстро.

Иммануэль помнила день, когда у Джудит впервые пошла кровь. Они втроем – Лия, Иммануэль и Джудит – собирали грибы с ведьминых кругов на школьном дворе, когда Джудит внезапно расплакалась. Она задрала юбки выше колен, демонстрируя тонкую струйку крови, стекавшую по правой ноге в ботинок. Учительница быстро увела ее, но Иммануэль успела услышать, как она прошептала на ухо Джудит: «Ты стала женщиной. Теперь ты женщина».

Так оно и было.

Джудит быстро отринула детство. Расплела косы и завязала волосы в пучок на макушке, сменила оборки и передники на корсеты и лифы, освоила изящные манеры и начала носить женственные наряды так, будто была рождена для них.

Слизнув с пальцев остатки масла, Джудит наклонилась к Иммануэль – так близко, что та уловила сладкий аромат ее духов.

– Правда ли то, что о тебе говорят?

Вопрос застал Иммануэль врасплох, хотя и не должен был. Она видела этот вопрос в глазах всех болтунов и сплетников Вефиля. Все они судачили об одном и том же с той самой ночи, когда ее мать обратила меч пророка против него, едва не перерезав тому горло, прежде чем скрыться в чаще леса. Они выплевывали ее имя, как что-то мерзкое, и вместе с тем смаковали его на своих устах.

– Смотря о чем речь, – ответила Иммануэль, изображая непонимание. – А что обо мне говорят?

Джудит пожала плечами, усмехнувшись.

– Полагаю, если ты до сих пор не в курсе, значит, все это выдумки.

– Видимо, так, – процедила Иммануэль сквозь зубы.

Джудит склонила голову набок.

– Значит, Дара у тебя нет?

Иммануэль отрицательно покачала головой.

В далеком прошлом Даром никого нельзя было удивить. Давным-давно, в век Света, Отец благословлял многих людей, наделяя их силой творить чудеса. Но со времен Священной Войны и последовавших за ней темных веков Дар стал редкостью. Год за годом древние святые ложились в свои могилы, забирая с собой силы, и одаренных людей становилось все меньше. Нынче Марта была одной из немногих повитух в Вефиле, наделенных Даром Наречения, и только пророки обладали Даром Провидения. Более того, не все апостолы имели Дар Проницательности, что позволял отличить правду от лжи, и уж тем более Дар Исцеления Прикосновением. В поколении Иммануэль Даром награждались лишь редкие из избранных Отцом, а она, будучи рожденной вне брака, уж точно не входила в их ряды.

– Жаль, – сказала Джудит, глядя на нее в упор. – Я надеялась, в тебе есть хоть *что-то* примечательное. Учитывая...

Иммануэль напряглась.

– Учитывая что?

Джудит изогнула бровь идеальной дугой, и на ее губах заиграла надменная улыбка.

– Твою мать, разумеется.

Иммануэль знала, без упоминания о ее матери не обойдется. Никогда не обходилось. Но сейчас что-то в интонации Джудит как будто усилило оскорбление, ужалившее большее, чем обычно.

На долгое мгновение воцарилась тишина, нарушаемая лишь журчанием реки и жужжанием ос в полевых цветах. Даже болтовня прихожан вдалеке, казалось, затихла, утонув в шуме лесного ветра. А потом...

– А знаешь, – сказала Иммануэль, – если так подумать... меня и впрямь постоянно тянет на танцы голышом в лесу – со зверями и демонами, конечно. Трудно найти свободное время, когда постоянно пасешь овец, но как только выходит полная луна, я стараюсь, как могу, – она весело улыбнулась Джудит. – Что поделать: яблочко от яблоньки.

Повисла пауза, послышались свистящие вздохи. Лия поежилась, и вся компания погрузилась в полную и абсолютную тишину.

Впервые за все время, что он сидел с ними, сын пророка Эзра отвлекся от созерцания горизонта и вперил взгляд в Иммануэль.

И тут она поняла, что допустила ошибку. Греховную, глупую ошибку, совершенную в пылу гнева. Ошибку, за которую она, без сомнения, поплатится выговором, поркой, или даже днем в колодках.

Но затем, к ее удивлению, Эзра растянул губы в кривой усмешке и расхохотался. Не злым, а тем искренним смехом, что исходит из глубины живота. Его плечи затряслись, черные локоны упали на глаза. Через секунду к нему присоединился Питер, громогласный хохот которого разнесся по церковному двору и привлек взгляды их семей, стоявших в тени собора. Это, в свою очередь, заставило Эзру рассмеяться еще сильнее. Через несколько секунд к ним присоединились Лия и Хоуп, и даже Иммануэль несмело улыбнулась. Не успела она и глазом моргнуть, как все уже смеялись в голос, словно старые друзья.

Все, кроме Джудит, которая вскочила на ноги, проглотив возмущенный кашель. Она потянула Эзру за руку, увлекая за собой, но тот, поднявшись, снова взглянул на Иммануэль с кривой улыбкой.

– До следующей субботы, – бросил он через плечо, когда Джудит повела его обратно к собору – к его отцу, пророку, подальше от Иммануэль.

Но когда он вошел в море колышущейся высокой травы, то остановился и обернулся посмотреть на нее. Что-то мелькнуло в его глазах, и в этот момент она могла поклясться, что он понял всю правду о ней.

Глава 2

*Ибо Отец благ, и благодать Его вечна. Он улыбается с небес,
благословляя паству свою, дабы те нашли упокоение в свете Его.
Священное Писание*

Вечером Муры собирались за одним столом на традиционный субботний ужин. Марта суежилась вокруг кипящего котла с тушеной курицей, висевшего на железном крюке над потрескивающим огнем. Склонившись над очагом, она то и дело вытирала пот со лба тыльной стороной ладони, а Анна двумя руками месила тесто для хлеба, добавляя пригоршни льняных семян и толченых грецких орехов, между делом напевая гимны. Иммануэль сновала между ними, хватаясь за разные дела и изо всех сил стараясь быть полезной. Несмотря на неуклюжесть в быту, она, как могла, старалась помогать по хозяйству.

Анна, как всегда в прекрасном расположении духа, первой начала разговор:

– До чего хорошая была сегодня служба, правда?

Иммануэль поставила оловянную тарелку во главе стола, перед пустым дедовым стулом.

– Очень хорошая.

Марта ничего не ответила.

Анна снова погрузила руки в тесто.

– Когда пророк заговорил, я словно ощутила, как весь воздух покинул мое тело. О, вот кто истинный наместник Отца! Не то что другие пророки. Нам с ним очень повезло.

Одну ложку Иммануэль положила рядом с тарелкой Марты, а другую – рядом с миской Онор. Эту маленькую деревянную вещицу она сама выстрогала и зашкурила около трех лет назад, когда малышка была не больше пескаря в утробе Анны. Для старшей дочери Анны, Глории, она приберегла ее любимую старинную медную ложку, много лет назад купленную Мартой у рыночного торговца.

Глория, как и ее мать, обожала красивые вещи: ленты, кружева, конфеты и прочие радости, которых Муры не могли себе позволить. Но Иммануэль не упускала случая по мере сил баловать девочку маленькими безделицами. В их доме осталось слишком мало красивых вещей. Большую часть ценностей и украшений пришлось продать зимой в попытке восполнить скудный урожай и падеж скота, который случился прошлым летом. Но пока хоть что-то зависело от Иммануэль, ложка Глории оставалась на своем месте – эта символическая безделушка оттеняла нищету их будней.

Когда еда была приготовлена, Марта взяла котел с тушеной птицей и с громким стуком, разнесшимся по всему дому, водрузила на стол. На шум в столовую прибежали Онор и Глория, торопясь занять свои места и приступить к ужину. Следом расселись жены: бабушка Иммануэль, Марта, по заведенному обычаю заняла место на противоположном конце стола, а Анна, вторая жена деда – место рядом с пустым стулом мужа.

Наконец, после долгой паузы послышался скрип петель, звук открывающейся двери, а затем – натужное и громогласное шарканье Абрама, спускающегося по лестнице. Деду сегодня особенно нездоровилось – Иммануэль поняла это по его поступи, по тому, как волочилась по стонущим половицам его непослушная нога, пока он шел к столу. В то утро он снова пропустил поход в церковь – уже третью субботу за месяц.

Когда-то, давным-давно, Абрам входил в ряды апостолов и пользовался немалым влиянием. Он был правой рукой пророка Саймона Чемберса, служившего до избрания и посвящения нынешнего пророка, Гранта Чемберса. В этом статусе Абрам владел одним из семи поместий в заповедных Святых Землях и обладал Отчим Даром Проницательности. В возрасте девятнадцати лет он женился на Марте. Они были друг другу ровней, что по возрасту, что

по статусу, но, несмотря на это, Отец еще долго не благословлял их потомством. И только после многолетних попыток Абрам смог зачать Марте Мириам, но за ее рождением последовала череда мертворожденных – и всех, как на подбор, сыновей. Позже многие утверждали, что это рождение Мириам обрекло детей, появившихся на свет после нее, на смерть – дескать, само ее существование навлекало беду на доброе имя Муров.

В наказание за преступления Мириам Абрам был лишен апостольского чина и всех причитавшихся ему угодий. Земли Муров, некогда – необъятные холмистые просторы, которые могли сравниться разве что с владениями пророка, поделили между другими апостолами и соседними фермерами, а те растерзали их, как стервятники мертвую тушу. Абраму же остался лишь небольшой клочок земли, спрятанный в тени того самого грозного леса, в котором потерялась его дочь. Сегодня он влачил жалкое существование, осмеянный и обнищавший, он перебивался скудными урожаями с пастбищ и неплодородных кукурузных полей, кроме которых у него ничего не осталось.

То, что восемнадцать лет назад Анна согласилась пойти с Абрамом под венец, несмотря на позор, навлеченный грехопадением Мириам, нельзя было назвать иначе, как чудом. Иммануэль объясняла преданность Анны тем обстоятельством, что однажды, когда та, будучи еще юной девушкой, умирала от лихорадки, Абрам спас ее своим Исцеляющим Прикосновением. Словно с тех пор она была обязана ему жизнью и намеревалась во что бы то ни стало вернуть долг. Возможно, именно поэтому ее любовь к Абраму больше напоминала почитание апостолами Святого Отца, нежели обычные чувства между мужем и женой.

Когда Абрам вошел в столовую, Анна, как всегда, расплылась в широкой улыбке. Но тот не обратил на нее никакого внимания. Прихрамывая, он переступил порог и остановился, чтобы перевести дыхание, опершись руками на спинку сломанного стула. Всю правую сторону его тела перекосило, неестественно скрюченные пальцы казались переломанными, рука была согнута и прижата к груди, будто перевязанная невидимым бинтом. Проходя через столовую к своему месту во главе стола, дед ковылял, подтягивая левую ногу, и держался за стену, чтобы не упасть. Он тяжело опустился на стул и стал читать молитву, с трудом выговаривая слова. Закончив, Абрам взял здоровой рукой вилку и принялся за еду. Его примеру последовали остальные. Дети жадно набросились на мясо, словно боялись, что оно исчезнет прежде, чем они успеют все съесть. Горькая правда заключалась в том, что тушенная курица больше всего походила на жидкий костный бульон с пастернаком, парой капустных листьев и жалкими куриными обрезками. Иммануэль, однако, старалась есть не спеша, смакуя каждую ложку.

Анна снова попыталась завязать разговор, но тщетно. Марта сидела, уставившись в тарелку, а девочки благоразумно помалкивали, опасаясь гнева отца.

Абрам говорил мало. В плохие дни он почти все время молчал. Иммануэль видела, как мучительно он переживает свое падение. Когда-то его называли гласом пророка, а теперь, спустя годы после смерти матери Иммануэль, он превратился в деревенского изгоя, проклятый Отцом за попустительство. Во всяком случае, такие ходили слухи.

Иммануэль почти ничего не знала о том, что происходило с Абрамом после смерти ее матери. Скудные обрывки информации, которые поведала ей Марта, были лишь фрагментами истории, слишком ужасной, чтобы рассказывать ее целиком.

Семнадцать лет назад ее мать Мириам, недавно обрученная с пророком, вступила в порочную связь с деревенским пареньком с Окраин. Несколько месяцев спустя, когда их отношения были раскрыты, юноша погиб на костре в наказание за свои преступления против пророка и церкви.

Мириам была помилована – пророк, ввиду их помолвки, пощадил ее.

Но в ночь накануне свадьбы она, обезумев от горя и жаждая мести за смерть возлюбленного, прокралась в опочивальню пророка, пока тот спал, и попыталась перерезать ему горло его же собственным ритуальным кинжалом. Но пророк проснулся и оттолкнул ее, отразив удар.

Прежде чем ее успела схватить стража, Мириам убежала в запретный Темный Лес – обитель Лилит и ее ведьмовского ковена, – где бесследно исчезла. Со слов Мириам, суровые зимние месяцы она провела одна, в хижине в непроходимой лесной глуши. Зима в тот год выдалась морозная, хижину в лесу так и не нашли, поэтому никто в Вефиле ей не поверил.

Прошли месяцы, а Мириам все не появлялась. И вот однажды ночью, в разгар страшной метели, она вышла из темноты леса. Она была на сносях, беременная плодом порочной связи с ее возлюбленным, погибшим на костре. Спустя считанные дни после своего возвращения Мириам родила Иммануэль.

В то время, как его дочь кричала в агонии родов, Абрама хватил страшный удар, и он уже никогда не стал прежним. Удар отнял у него силы и статью, а вместе с ними и его Святые Дары. Мириам тужилась и мучилась, пока, в конце концов, не ушла в мир иной, и с ее отцом едва не произошло то же самое. Только чудо Отцово уберегло его, вновь подняв со смертного одра.

Абрам пострадал за грехи Мариам и продолжит страдать за них до самой смерти. Возможно, он страдал бы меньше, если бы у него хватило духу отречься от Иммануэль за грехи ее матери. Возможно, если бы он сразу отрекся от Мириам, когда та вернулась из леса, то вернул бы благосклонность пророка.

Но он этого не сделал. И за это Иммануэль была ему благодарна.

– Утром... пойдешь... на рынок... – проговорил Абрам со своего места, сквозь зубы. – Продашь черного барашка.

– Сделаю все, что смогу, – кивнула Иммануэль.

Должно быть, дела шли совсем плохо, если дед решил продать годовалого барашка. Это был тяжелый месяц – тяжелый месяц в череде паршивых месяцев. Денег отчаянно не хватало. Зимой после тяжелого приступа лихорадки болезнь Абрама обострилась, и расходы на лекарства опустошили их карманы. Для Иммануэль было важно тянуть эту лямку наравне со всеми, по мере сил облегчая лежащее на них бремя.

Никто в семье Муров не сидел без дела. Марта была повитухой, благословленной Устами Отца даром озвучивать имена, данные на небесах. Анна была швеей с такими легкими пальцами, и таким острым взглядом, что могла заштопать даже тончайшее кружево. Абрам, в прошлом бывший плотником, в годы после удара наловчился вырезать из дерева примитивные статуэтки, которые Муры иногда продавали на рынке. Даже Глория, хотя ей едва исполнилось двенадцать, оказалась талантливой художницей и рисовала небольшие гравюрные портреты, которые потом продавала своим однокашникам. Онор была еще слишком юна, чтобы заниматься ремеслом, но по мере сил помогала по хозяйству.

А Иммануэль пасла овец с помощью батрака с фермы. Каждое утро, за исключением субботы и тех редких случаев, когда Марта брала ее с собой на особо сложные роды, Иммануэль отправлялась на пастбище приглядывать за овцами. С посохом в руке она вела их к западной гряде, где овцы целыми днями паслись в тени Темного Леса.

Иммануэль всегда испытывала странную тягу к Темному Лесу, чувствовала волнение, когда приближалась к нему. Этот запретный лес будто бы пел песню, которую слышала она одна, звал ее подойти ближе.

Но, несмотря на искушение, Иммануэль держалась в стороне.

В базарные дни она брала с собой разные товары на продажу, будь то шерсть, мясо или баран, и отправлялась с ними на рынок. Целый день она проводила на площади, торгуясь с покупателями. Когда удача ей улыбалась, она возвращалась домой после захода солнца с достаточным количеством медяков, чтобы покрыть их недельную десятину. А если нет, семья жила впроголодь, а десятина и долги лекарям Абрама оставались неоплаченными.

Абрам через силу проглотил еще одну ложку похлебки.

– Возьми за него... хорошую цену. Не продешеви.

Иммануэль кивнула.

– Я выйду пораньше. Если пойду по короткой дороге через Темный Лес, то доберусь до рынка раньше других торговцев.

Разговор оборвался, стал слышен лишь лязг вилок и ножей о тарелки. Даже Онор, несмотря на свой юный возраст, держала язык за зубами. Воцарилась тишина, нарушаемая только мерным капаньем из подтекающего в углу кухни крана.

Марта вдруг стала белее мела.

– Никогда не ходи в эти леса, слышишь? Там живет зло.

Иммануэль нахмурилась. В ее понимании, грех не был заразой, которую можно подцепить, если подойти слишком близко. И она не особенно верила во все эти легенды о зле, обитающем в глуши Темного Леса. По правде говоря, Иммануэль и сама до конца не понимала, во что верит, но была твердо уверена, что, срезав путь через лес, не обречет себя на гибель.

Однако споры ни к чему бы не привели, ведь она знала, что Марту ей ни за что не переубедить. У ее бабушки было железное сердце и непоколебимая вера, способная пошатнуть горы. Идти поперек нее было бессмысленно.

Поэтому Иммануэль прикусила язык, склонила голову и послушно уступила.

В ту ночь Иммануэль снились чудовища: девочка с разинутой пастью и зубами, желтыми как у койота; женщина с крыльями мотылька, воющая на восходящую луну. Она проснулась на рассвете, все еще различая отголоски этого воя, эхом гудящего в ее голове.

Несмотря на сонную слабость, Иммануэль кое-как оделась. Застегивая пуговицы и готовясь к выходу, она пыталась выкинуть из головы жуткие образы лесных тварей. Покинув спящий дом, Иммануэль направилась к дальним пастбищам. Так, с выпаса овец на рассвете, началось почти каждое ее утро. В те редкие дни, когда она не могла выйти в поле – например, несколько лет назад, когда она подхватила коклюш и болела целую неделю, – ее место занимал наемный батрак по имени Джозайя Кларк.

Иммануэль нашла свое стадо на восточных пастбищах сбившимся в кучу у самой кромки лесной тени. В ветвях дубов и берез близлежащей рощи сидели вороны, но даже они не каркали. Стояла тишина, густая, как утренний туман, и только колыбельная Иммануэль нарушила ее, эхом разносясь по предгорьям и далеким полям, как погребальный плач.

Это была не простая колыбельная – не народная, и не детская песенка, которые матери поют своим малышам, – а что-то вроде перепевки старинного траурного гимна, однажды услышанного ей на похоронах. Ее голос пронесся по пастбищу, и, услышав его, отара ринулась на восток, словно волной огибая покатые холмы. Вскоре овцы уже обступали ее. Они радостно блеяли, скакали вокруг, и жались к ее юбкам, но годовалый баран Иуда держался в стороне от остальных, уперев копыта в землю и низко свесив голову. Несмотря на возраст, он был крупным и устрашающим животным с лохматой черной шерстью и двумя парами рогов: первые росли у него из макушки, как кинжалы, а вторые закручивались за ушами и торчали вдоль острой морды.

– Иуда, – позвала Иммануэль чуть громче свиста ветра в высокой траве. – Иди ко мне, пора на рынок.

Баран ударил копытами по земле, сузив глаза. Он шагнул вперед, и овцы засуетились и расступились, а молодые ягнята чуть ли не спотыкались, спеша уступить ему дорогу. Он остановился в нескольких шагах от Иммануэль и, слегка склонив голову набок, уставился на нее сквозь изогнутый рог.

– Мы с тобой идем на рынок, – она показала ему веревку, подняв руку, так что ее конец болтался над землей. – Мне придется привязать тебя.

Баран не двинулся с места.

Опустившись на одно колено, Иммануэль ослабила узел веревки, чтобы продеть в петлю рога, после чего потянула ее на себя, закрепляя поводок. Баран противился и брыкался, мотая

головой и стуча копытами по земле. Но она держала крепко, упираясь ногами в землю и сильно, до мозолей, стискивая веревку в ладонях, когда Иуда вставал на дыбы и вырывался.

– Тише, – шептала она. – Успокойся.

Баран напоследок вскинул голову и шумно вздохнул, выпустив из ноздрей облако пара, густого, как табачный дым в холодном утреннем воздухе.

– Успокойся же ты, старый ворчун, – Иммануэль повела его за собой, снова потянув за веревку. – Нужно отвести тебя на рынок.

Путь по Перелесью был долгим, а солнце, несмотря на утреннюю прохладу, уже припекало. Пот струился у Иммануэль по спине, пока она брела по извилистой тропинке к городу. Выбери она короткий путь через чашу – вместо долгого обхода, – она уже была бы в городе. Но она обещала Марте не входить в лес и слово свое нарушать не собиралась.

Иммануэль держала путь дальше. Сумка за спиной оттягивала плечи, ноги в сапогах на полтора размера меньше нещадно ныли, а на пятках натерлись мозоли. Иногда казалось, что все ее вещи были ей либо слишком велики, либо слишком малы, как будто она не подходила миру, в котором родилась.

На полпути к рынку Иммануэль остановилась позавтракать. Она нашла прохладное место в тени березы и, порывшись в сумке, извлекла оттуда по ломтю сыра и черствого, как кирпич, черного хлеба, который Анна испекла накануне. Она быстро поела, бросила хлебные корки Иуде, который тут же подобрал их и мотнул головой, так туго натянув повод, что Иммануэль пришлось схватить его за рога, чтобы тот не убежал.

Вдалеке зашумел Темный Лес. Ветер подул в ветвях, словно сам лес звал ее на своем шелестящем, непонятном языке.

Согласно преданиям и Священному Писанию, Темный Лес, как и все проклятые и нечистые места в мире, был порожден Темной Матерью, богиней преисподней. Пока Добрый Отец создавал мир из света и пламени, вдыхая жизнь в прах, Она призывала Своих бесов из тьмы, родила легионы чудовищ и демонов, уродцев и ползучих гадов, которые затаились в смрадном полумире между мирами живых и мертвых.

Вот из этого-то полумира, из коридоров проклятого леса, и появились первые ведьмы – Лилит, Далила и Возлюбленные Иаиль и Мерси. Четверо Нечестивых (как их прозвали позже) нашли пристанище среди первых вефильских поселенцев, которые приняли их за беженок и разрешили остаться в городе. Женщины нашли себе мужей, родили детей, они жили среди Отцовой паствы как соратники и единомышленники. Но, несмотря на то, что четыре ведьмы носили кожу обычных женщин, души их были созданы по образу и подобию Матери, и, подобно Ей, они вознамерились уничтожить все, сотворенное Добрым Отцом, утопив Его свет во мраке и темени.

Четыре ведьмы сеяли семена раздора в сердцах благочестивых вефильских мужчин, искушая их и сбивая с пути истинного. Корни их обмана проросли глубоко, и вскоре власть над вефильской землей перешла в их руки. И только благодаря Отцовой милости молодому человеку по имени Дэвид Форд, первому пророку, удалось собрать храбрую армию святых ратоборцев, свергнуть четырех ведьм огнем и кровавым мятежом и прогнать их души в проклятые леса, откуда они пришли.

Но сила ведьм и темной Богини, которой они служили, не исчезла даже после окончания Священной Войны. И по сей день их призраки бродили по Темному Лесу, изголодавшись по душам тех, кто отваживался войти в их царство.

Во всяком случае, так гласили предания.

Разделавшись с завтраком, Иммануэль продолжила путь по Перелесью. Главная дорога здесь змеилась вдоль Темного Леса, и отсюда виднелись мемориалы на фоне мрачных деревьев. Были тут и венки из полевых цветов, и памятные сувениры, и даже одна пара детских башмачков свисала на шнурках со столба, будто в надежде, что ребенок, которому они принадлежали,

однажды появится из-за деревьев и вновь их наденет. Только эти реликвии и остались от тех, кто пропал в Темном Лесу. Этот лес редко возвращал то, что однажды забрал.

Иммануэль и ее мать стали исключением из этого правила – чудом, говорили некоторые. Но когда ей бывало особенно тяжело, когда ветер шелестел в соснах и вороны пели свои песни, Иммануэль казалось, что Темный Лес так и не отпустил ее и как будто зовет домой.

Поежившись, Иммануэль пошла дальше, мимо лачуг и хижин, мимо холмистых кукурузных полей, по лесной опушке, вдоль берега ручья. Солнце сдвинулось куда-то вбок, и воздух стал густым и тяжелым. Бескрайние пастбища Перелесья сменились каменными мостовыми Амаса – деревни в самом центре Вефиля. Здесь амбары и фермы уступали место хаосу вымощенных булыжником коттеджей, городских домов с шиферной кровлей и каменных зданий с витражными окнами, ярко сверкающими в свете полуденного солнца. Вдалеке, над крышами возвышалась одна из самых высоких построек во всем Вефиле, уступавшая лишь собору с его шпилем. Это были Священные Врата – величественные ворота из кованого железа, построенные самим Дэвидом Фордом, первым пророком.

За воротами начиналась широкая мощеная дорога, по обе стороны которой никогда не гасли фонари. Она называлась Путем Паломника. Если Вефиль был островом в бескрайнем море леса, то эта дорога была мостом, ведущим в чужие земли далеко за его пределами. Но насколько знала Иммануэль, только страже пророка, апостолам и отдельным достопочтенным евангелистам позволялось покидать Вефиль, и то лишь в исключительных случаях. И никогда, за все шестнадцать лет жизни Иммануэль, через эти ворота не прошел ни один чужестранец.

Иногда Иммануэль задумывалась, могут ли города за границами вефильских земель оказаться не более чем мифами. А может, неустанно расползающийся лес полностью поглотил их, как поглотил бы и Вефиль, если бы свет Отца не отпугивал его тьму? Впрочем, Иммануэль понимала, что это все не ее ума дело. Пусть в сложностях мироустройства за Священными Вратами разбираются апостолы и пророки, которые куда лучше нее образованы и сведущи в подобных вопросах.

Крепче перехватив поводок Иуды, Иммануэль плечами прокладывала себе путь в стремительно густеющей рыночной толчее. Площадь, как обычно, была до отказа набита лотками. Имелся тут и свечной прилавок, и мясницкий, с разложенными на плитах тающего льда кусками мяса, вокруг которого роились мухи. По соседству с мясником большой развал, где продавались рулоны ткани, демонстрировал ассортимент парчи и бархата, саржи и тонкого шелка. Проходя мимо палатки парфюмера, Иммануэль уловила аромат дорогого масла, вываренного из цветов и мускуса мирры.

Часовщик торговал прямо рядом со своим коттеджем, разложив на длинном дубовом столе часы и хронометры и продавая их статным мужчинам, которые, судя по одежде, могли себе это позволить. В обувной лавке всего в нескольких шагах от часовщика продавались кожаные сапожки с пряжками, красивее которых у Иммануэль никогда ничего не было, а, скорее всего, никогда и *не будет*.

Но она решила выбросить эти мысли из головы. Гордо расправив плечи, она шла вперед, никуда не сворачивая с главной дороги и даже не сбавляя шаг, чтобы поглазеть на товары. Рядом с ней трусил Иуда, цокая черными копытами по булыжникам. Он дергал ушами то в одну, то в другую сторону и раздувал ноздри, впитывая рыночные запахи и звуки. Иногда баран норовил отбиться от хозяйки, но Иммануэль держала повод накоротке, чтобы он не отходил от нее больше, чем на шаг.

По дороге ей периодически встречались попрошайки с Окраин. Согнувшись в три погибели, они стояли на углах мощеных улочек и держали в руках миски и чашки для монет. У многих из них даже не было обуви, но они всегда подсакивали к сердобольным прохожим, протянувшим им милостыню. Большинство посетителей рынка просто не обращали на них внимания. В конце концов, люди с Окраин считались изгоями, отвергнутыми как недостойные

и неугодные дети Отца. Кое-кто из радикально настроенных членов паствы заявлял, что сама их внешность являлась карой, и что темный, эбеновый оттенок их кожи служил внешним признаком их внутренней приверженности Темной Матери, которая породила им подобных.

Много было разных историй о том, как в Вефиле впервые появились окраинцы, но общая их суть сводилась к тому, что они произошли от беженцев, которые нашли здесь пристанище в древние времена. О причинах их бегства ходило много слухов. Одни говорили о засухе, превратившей землю в пепел. Другие – о дожде из огня и серы. Еще чаще сказывали о голодном океане, затопившем их родину, и о приливе такой высоты, что волной захлестнуло горы, вынудив их бежать в неизведанные ранее места.

В то время церковью правил святой по имени Авдий. Он заявил, что так Отец наказывает беглецов за почитание Матери. Якобы, стихии, прогнавшие их из дома, были формой божественного возмездия. Он постановил, что именно воля Отца привела их в Вефиль, чтобы те могли ступить на путь исправления через служение церкви. Так, по приказу Авдия, впервые за свою многовековую историю, Вефиль открыл свои ворота чужакам.

Чтобы не допустить того, что Авдий называл распространением заблуждений, чужаков закрыли в поселении на южной оконечности Вефиля. Там за них взялись служители церкви: проповедовали слово Отцово, постепенно обращая их души к вере. Впоследствии это получило название Великий Евангелизм. В течение следующих десятилетий окраинцы привыкали к жизни в Вефиле. Они приняли его веру и единый язык, продолжая служение церкви во имя искупления грехов. Постепенно, по мере того как сменялись поколения, живущие в Окраинах отвернулись от своей истории, становясь вефилянами совершенно и окончательно. Но Иммануэль ясно видела, что относятся к ним – *к ней* – не так, как к другим вефилянам.

И неважно, что в жилах большинства современных окраинцев текла кровь коренных поселенцев Вефиля, и что они тоже сражались против армий Лилит в Священной Войне. Общая кровь, или же кровь пролитая, казалось, не играла такой роли, как внешний облик. А значит, сколько бы веков ни прошло, что бы ни было сделано на благо Вефиля, окраинцы будут обречены на жизнь на периферии.

Сегодня Иммануэль насчитала на главной дороге около дюжины попрошаек. Когда она проходила мимо, они поворачивались к ней так же, как и ко всем, но никто не протянул ей миски или чашки для милостыни, никто даже не поприветствовал ее, разве что смерив холодным взглядом. Вместо этого они словно изучали ее со странным выражением на лицах, которое Иммануэль описала бы как смесь любопытства и презрения.

И она их не винила.

Пусть она была похожа на них внешне – темная кожа, крепкий нос, большие черные глаза, – на самом деле она не была одной *из них*. Она никогда не знала настоящей нищеты и жизни за Перелесьем, не ходила по дорогам Окраин и не встречала родню, которая, вероятно, жила там. Впрочем, кто-то из этих попрошаек вполне мог оказаться одной с ней крови – дядей ее отца, например, или кузеном, – но она не искала их, а они, в свою очередь, не искали ее.

Иммануэль прибавила шаг, глядя на свои башмаки и старательно игнорируя пристальные взгляды окраинцев, и направилась на скотный базар. Она была уже почти на месте, когда увидела лучшую лавку на свете: книжный киоск.

По сравнению с другими лавками, с их яркими вывесками и затейливыми витринами, киоск выглядел неброско. Небольшая палатка состояла из куска мешковины, натянутого на три деревянных колышка. Под этим навесом в пять рядов стояли высокие – выше Иммануэль – полки, доверху забитые книгами – настоящими книгами, а не декоративными фолиантами и гимназиями, что стояли нечитанными над камином в доме Муров. Это были книги по ботанике и медицине, стихи и легенды, атласы и книги по истории Вефиля и поселений за его пределами, и даже тонкие брошюры, обучающие грамматике и арифметике. Удивительно, как их не завернула стража пророка.

Привязав Иуду к ближайшему фонарному столбу, Иммануэль приблизилась к киоску. Даже зная, что ей уже давно пора выдвигаться на скотный базар, она не могла не задержаться у полок, не открыть книги, чтобы вдохнуть мускусный запах переплетов и пробежаться пальцами по страницам. Хотя Иммануэль перестала учиться в двенадцать лет, как и все девочки в Вефиле, потому что того требовали Священные Предписания пророка, читала она хорошо. Более того, чтение стало для нее редким поводом для гордости, одним из немногих занятий, в которых она чувствовала себя по-настоящему уверенно. Иногда она думала, что если бы у нее и открылся какой-нибудь Дар, то это непременно был бы дар к чтению. Книги стали для нее тем же, чем вера была для Марты. Она никогда не чувствовала себя ближе к Отцу, чем в те минуты, когда читала в тени книжной палатки рассказы о незнакомцах, которых никогда не встречала.

Первым делом она взяла с полки толстый том в светло-сером тканевом переплете. У книги не было названия, только слово «Элегии», оттиснутое на корешке золотой краской. Иммануэль открыла книгу и прочла первые строки стихотворения о буре, налетевшей на океан. Она никогда не видела океана и не знала никого, кто видел, но, читая эти строки вслух, она словно слышала рев волн, чувствовала вкус соли на языке и ветер, треплющий локоны.

– Опять ты.

Иммануэль оторвала глаза от книги и заметила, что за ней наблюдает Тобис, владелец лавки. Рядом с ним, к ее удивлению, стоял Эзра, сын пророка, который вчера сидел с ними на берегу реки.

Он был одет в простую одежду фермеров, которые как раз возвращались с полей, и только священный апостольский кинжал так и висел на цепи вокруг его шеи. В одной руке он держал две книги. Первая была толстым изданием Священного Писания в переплете из коричневой кожи, а вторая – тонким томиком в тканевом переплете и без названия. Он улыбнулся ей в знак приветствия, и она кивнула в ответ, возвращая книгу на полку. Купить ее она все равно не могла. Мурам едва хватало денег на еду и уплату десятины пророку и церкви. У них не было лишних медяков, чтобы тратить их на такое баловство, как книги. Это было прерогативой апостолов и мужчин, у которых водились лишние деньги. Таких, как Эзра.

– Не торопись, – сказал Тобис, подойдя ближе, и над книгами поплыл пряный дым его трубки. – Мы тебе не помешаем.

– Вы мне вовсе не мешаете, – пробормотала Иммануэль, делая шаг к выходу. Она указала на Иуду, который стоял в тени фонаря и бил копытами по мостовой. – Я все равно собиралась уходить. Я здесь не для того, чтобы тратить деньги – я пришла торговать.

– Чепуха, – отмахнулся книготорговец, не вынимая трубки изо рта. – Для каждого найдется своя книга. Тебе ведь наверняка что-то приглянулось.

Иммануэль перевела взгляд на Эзру – на его тонкое шерстяное пальто и начищенные сапоги, на зажатые под мышкой книги в кожаных переплетах – таких искусных, что, наверное, одной книги хватило бы, чтобы оплатить лекарства Авраму на несколько недель вперед. Она смутилась.

– У меня нет денег.

Продавец улыбнулся ртом, полным стали и меди.

– Ну, а если сделка? Дам тебе книгу в обмен на барана.

На долю секунды Иммануэль заколебалась.

Безрассудная часть ее души уже была готова выменять Иуду на несколько страниц со стихами. Но потом она подумала об Оноре в дырявых башмаках, в носки которых ей подкладывали тряпки, чтобы она не замочила ног; о Глории в платье с чужого плеча, висящем на ней, как старый мешок. Подумала об Авраме с его лающим кашлем, и о том, сколько лекарств ему понадобится, чтобы пойти на поправку. Она слотнула и покачала головой.

– Я не могу.

– А как насчет этого? – торговец ткнул большим пальцем в кулон из полированного речного камешка на кожаном шнурке, принадлежавший ее матери. Эта безыскусная вещица не могла сравниться с жемчугами и самоцветами, которые носили другие вефилянки, но кулон был одной из немногих вещей, доставшихся Иммануэль от матери, и она дорожила им больше всего на свете. – Этот камень неплохо смотрится на твоей груди.

Иммануэль непроизвольно прикрыла кулон рукой.

– Я...

– Она сказала нет, – грубо вмешался Эзра, застав ее врасплох. – Ей не нужна книга. Оставь ее в покое.

Продавцу хватило ума его послушать. Он сделал шаг назад и закивал головой, как цыпленок.

– Как скажете, господин, как скажете.

Эзра проследил за тем, как торговец возвращается к своим книгам, прищурившись и поджав губы. Что-то в его взгляде напомнило Иммануэль о том, как он смотрел на нее в субботу, и как он застыл, словно увидел в ней что-то, чего не хотел видеть. Эзра снова повернулся к ней.

– Читаешь?

Иммануэль к собственному удивлению покраснела, очень довольная тем, что он обратил на нее внимание. Многие ее сверстницы – Лия, Джудит, и не только они едва ли могли прочесть хоть что-то, кроме своих имен и, возможно, некоторых ключевых стихов из Писания. Если бы Абрам не настоял на том, чтобы Иммануэль выучилась читать и вести вместо него хозяйство на ферме Муров, сейчас она могла быть такой же, как и большинство ее знакомых девушек, еле-еле умеющих подписаться собственным именем и не отличающих книги сказок от сборника стихов.

– Да, и весьма неплохо.

Эзра выгнул бровь.

– Ты здесь одна? Без сопровождающих?

– Мне не нужны сопровождающие, – ответила она, зная, что в лучшем случае идет в обход Предписаний, а в худшем – попросту их нарушает, но Эзра не казался ей стукачом. Она отвязала Иуду от фонаря и вывела его на дорогу. – Я хорошо знаю путь и в состоянии дойти одна.

К ее удивлению, Эзра пошел с ней рядом. Толпа перед ним расступалась сама собой.

– Не слишком ли долгая дорога для путешествия в одиночку? Отсюда до земель Муров... сколько? Девять миль?

– Десять, – Иммануэль удивило, что он знает хоть что-то об их владениях. Большинство людей не знали. – Для меня это не проблема. Я выхожу из дома после восхода солнца, и к полудню уже здесь.

– И тебя это не утомляет? – спросил он.

Иммануэль покачала головой и крепче сжала веревку в руке, когда они вошли на скотный базар. Даже если бы ее что-то не устраивало, какое бы это имело значение? Жалобами и недовольством не будешь сыт, не уплатишь десятину, не починишь крышу и не покроешь долги, которые нужно возвращать уже осенью. Только богачи могли позволить себе такую роскошь, как мысли о комфорте. Остальные просто опускали головы, прикусывали языки и делали то, что от них требовалось. Эзра явно входил в первую категорию, а она – во вторую.

Надо признать, она вообще не ожидала встретить его на рынке. Ей всегда казалось, что у преемника пророка должны быть дела поважнее, чем торговля и покупки. Все это никак не соответствовало его статусу. Однако он до сих пор шагал рядом с ней, точно прогуливаясь после церкви, и нес купленные книги, как будто пророк послал его с поручением вместо слуги.

Эзра поймал ее взгляд и протянул одну из трех книг, самую большую, с надписью «Священное Писание» золотым тиснением на обложке.

– Держи. Можешь взглянуть.

Иммануэль покачала головой, оттаскивая Иуду от курятника.

– У нас дома есть свой том Священного Писания.

Эзра слегка улыбнулся одним уголком рта и, бросив взгляд через плечо, выхватил у нее из рук поводок Иуды.

– А это не Писание.

Иммануэль осторожно взяла книгу. Снаружи та выглядела в точности как Священное Писание, но под обложкой Иммануэль не обнаружила ни стихов, ни псалмов, зато увидела множество картинок, эскизов и чернильных оттисков с изображениями диковинных животных и гигантских деревьев, гор, птиц и насекомых, подобных которым она никогда прежде не встречала. Несколько страниц занимали изображения великих храмов и королевств, и языческих городов далеко-далеко за воротами Вефиля.

В этот момент за рыночным гомоном стали слышны чьи-то громкие смешки. Иммануэль подняла глаза и в расступившейся толпе мельком увидела колодки для порки. Там, связанная и с кляпом во рту, еле держась на ногах, стояла светловолосая девушка – та самая, о которой сплетничали в субботу Джудит и ее подруга, – беднячка, своим распутным поведением склонившая фермера к греху.

Увидев ее, Иммануэль захлопнула книгу Эзры с такой силой и поспешностью, что чуть не выронила ее в грязь под ногами. Она сунула книгу ему в руки.

– Забери это. Прошу тебя.

Эзра закатил глаза и протянул ей повод Иуды.

– А я-то думал, девушка, которая рискнула танцевать с демонами, не испугается такой ерунды.

– Я не испугалась, – соврала она, хотя в ушах звенело от криков толпы. – Но эта книга... Это же...

– Энциклопедия, – подсказал он. – Книга знаний.

Иммануэль твердо знала, что есть только одна книга знаний, и в ней нет иллюстраций.

– Нельзя. Это грех.

Эзра некоторое время молча разглядывал ее, а потом его взгляд скользнул по базару и остановился на девушке в колодках. Она плакала и рвалась из цепей.

– Разве не странно, что читать книги – грех, а сажать девушку в кандалы и бросать ее всем на растерзание – обычное дело во славу Доброго Отца?

Иммануэль изумленно уставилась на него.

– Что?

Она никогда бы не подумала, что сын пророка, и тем более наследник церкви, может сказать такое – даже если это чистая правда.

Эзра снова криво усмехнулся ей, но взгляд его оставался хмурым.

– Увидимся в субботу, – сказал он и ушел, даже не кивнув на прощание.

Глава 3

*Мертвые ходят среди живых. Это первая и главная истина.
Священное Писание*

В тот день Иммануэль не удалось продать барана. Она и нахваливала товар, и пыталась торговаться, и зазывала прохожих – делала все возможное, чтобы сбыть его с рук, но никто не хотел покупать животное. Не будет ни нового платья для Глории, ни башмаков для Онор, ни десятины пророку.

Она потерпела неудачу.

Улица уже почти опустела, когда Иммануэль покинула рынок и вышла в долгий обратный путь к Перелесью. В дороге она то и дело возвращалась мыслями к той распутнице в колодках. Воспоминание о девушке, умоляюще мычавшей в кляп, ослабевшей в кандалах и такой юной, преследовало Иммануэль, сколько бы она ни пыталась выбросить его из головы и сосредоточиться на своем возвращении.

Она все шла и шла. Солнце уже клонилось к горизонту, когда на равнины налетела черная буря. Ливень хлынул из облаков, а вокруг, точно живое существо, завывал ветер.

Иммануэль ускорила шаг, подтянув повыше ляжку мешка за спиной. Она тащила за собой Иуду, а тот упирался, спотыкался черными копытами о булыжники и вращал глазами. Перекивая раскаты грома, она пыталась его успокаивать, но он не слушал ее.

Когда они вышли с главной дороги на грунтовую тропу, пересекавшую Перелесье, облака прорезала молния. Иуда так резко встал на дыбы, что Иммануэль потеряла равновесие и растянулась на скользком от дождя камне. Ребра пронзило ослепительной вспышкой боли, вышибив из Иммануэль весь дух. Корчась в грязи, она хватала ртом воздух, а рядом Иуда бешено мотал головой.

– Не дергайся, – прохрипела она, пытаясь подняться на ноги. – Только не дергайся.

Баран снова встал на дыбы и отпрыгнул к другой стороне дороги, глубоко вонзаясь в землю копытами. Он повернулся, заглянул Иммануэль в глаза, а затем нагнул голову и бросился прямо на нее.

Иммануэль отпрянула вправо. Иуда вывернул влево и задел острием рога уголок ее рта, порвав нижнюю губу. Она снова упала на колени, обдирая их в кровь.

Разъяренный баран совершил еще один мощный рывок, и веревка его поводки лопнула надвое. Освободившись, Иуда взбрыкнул еще раз, после чего ринулся в лес и скрылся за деревьями.

Иммануэль судорожно ахнула и закричала:

– *Иуда!*

Она поднялась с земли и на нетвердых ногах вышла к обочине, где тропа расходилась надвое, одной половиной уводя в сторону далекого леса. Тропинка через лес была во стократ короче, чем окольный путь, и если Иммануэль свернет на нее, то наверняка доберется домой раньше.

В голове у нее пронеслось предостережение Марты: *«В том лесу живет зло»*.

Но потом она подумала о приближающемся сборе десятины, о прохудившейся крыше и дырках в башмаках Глории. Подумала о неурожаях, объедках на ужин и оскудевших запасах на зиму. Подумала обо всем, в чем они нуждались, и обо всем, чего у них не было, и сделала шаг в направлении деревьев. Затем другой.

На краю леса стало спокойнее, ветер начал стихать. Иммануэль поднесла ладони к губам и еще раз окликнула Иуду, всматриваясь в тени между деревьями. Но только шепот ветра,

петляющего в соснах и беснующегося в высокой траве, был ей ответом. «*Ближе, ближе*», – чудилось ей в этом шепоте.

Что-то неприятно шевельнулось у нее в животе. Сердце забило быстро, как крылья колибри, выскакивая из груди. Она оглянулась – на дорогу, на город. Солнце все еще было неплотно затянуто грозowymi тучами, но по его положению в небе Иммануэль понимала, что у нее есть около часа, прежде чем оно окончательно сядет. Это означало час на поиски Иуды. Час на то, чтобы все исправить.

Если она поторопится, то успеет. Она исправит свою ошибку, и никто – даже Марта – ни о чем не узнает.

Иммануэль сделала один робкий шаг в гущу деревьев, потом другой, ее ноги внезапно словно налились свинцом, стопы онемели в сапогах.

Ветер гулял в ветвях, увлекая ее за собой: «*Ближе, ближе*».

Опротевью она бросилась бежать, продираясь между вязами и дубами. В воздухе пахло дождем и древесным соком, суглинком и приторной лесной гнилью. Грянул гром, и снова поднялся ветер. Она сломя голову неслась по лесу, а за ее платье и ляжки сумки цеплялись колючие сучья.

– *Иуда!* – кричала она, прокладывая путь сквозь подлесок, спотыкаясь о корни деревьев и узловатые коряги.

Она бежала и бежала со всех ног, стремительно углубляясь в лес.

Но барана простыл и след.

А солнце уже почти село.

И вскоре Иммануэль поняла, что заблудилась.

Щурясь из-за завесы дождя, она развернулась, надеясь вернуться по своим следам. Но Темный Лес как будто менялся с каждым ее шагом, и тропинка, ведущая обратно, никак не находилась. Ей было холодно и одиноко, хотелось есть. Колени подкашивались, а сумка казалась такой тяжелой, будто была набита камнями. Она с сожалением поняла, что Марта была права, когда предостерегала ее не ходить в лес, и она поступила глупо, послушавшись.

Подняв глаза к верхушкам деревьев, Иммануэль заметила, что последние грозовые тучи начали рассеиваться. Ветер по-прежнему сотрясал ветви деревьев, но ливень успокоился, перешел в морозящий дождь, и сквозь стволы сосен просачивалось тусклое свечение заходящего солнца. Она бросилась бежать на его свет, на запад, и бежала, что было мочи в ее онемевших ногах. Но тени сгущались еще быстрее, и вскоре на лес опустилась ночь.

Когда последние лучи солнца растворились в темноте, у Иммануэль подкосились ноги. Она качнулась и рухнула на раскисшую землю в ложбинке между корнями дуба. Там, ежась в грязи, она подтянула колени к груди и попыталась восстановить дыхание. Пока в деревьях завывал ветер, она сидела там, крепко стиснув мамин кулон на удачу.

Но Иммануэль не молилась. Не решалась на такую дерзость.

Над головой гроза утихла окончательно, оставив после себя лишь россыпь звезд и горбатую луну, низко висящую в вечернем небе. Вглядываясь в высокие небеса, Иммануэль почувствовала, как ее охватило спокойствие, словно укутав в мягкие одеяла, и чувство острого одиночества отступило вместе со страхом. В том, как свет луны облизывал листья, и ветер шелестел в верхушках деревьев, было столько нежности, что казалось, это сам Темный Лес поет ей уже знакомую колыбельную: «*Ближе, Иммануэль. Ближе*».

Голос ветра сочился сквозь деревья, тени поплыли у нее перед глазами, и лунный свет перемешался с темнотой, как акварель. Она как будто встрепенулась и ощутила металлический привкус в горле, похожий на кровь. Но страха почему-то не было. Он вышел из нее, как будто она стала чуть менее, чем целым – полудевочкой, существующей между тем, что есть, и тем, чего нет.

Сейчас она была не просто Иммануэль. Она была чем-то большим. И чем-то меньшим.

Она попала в Темный Лес, и Темный Лес тоже попал в нее.

Опираясь на ствол дуба, она поднялась с земли, еще чувствуя дрожь в коленях и немоту в стопах. Шепот ветра стал громче, и она последовала за ним по темноте, на ощупь, надеясь, что он выведет ее к опушке.

Деревья мало-помалу редели, и на мгновение Иммануэль показалось, что она нашла выход из леса. Но эта надежда угасла, когда она поняла, что очутилась на небольшой поляне в форме круга в самой гуще леса, ярко залитой светом луны. По периметру круга плотным кольцом росли сморчки, такие крупные, каких Иммануэль никогда прежде не видела.

А в самом центре кольца лежали, слившись друг с другом, две обнаженные женщины. Их голые ноги переплелись, рты были распахнуты. Первая, высокая и черноволосая, своим видом напоминающая паука, лежала сверху другой, изогнувшись в позвоночнике и так напрягая плечи, что Иммануэль было видно, как сокращаются и перекачиваются мускулы под кожей, тонкой и серой, как у покойника. Вторая женщина извивалась под своей любовницей и тянулась губами к ее плечу.

Сумка Иммануэль соскользнула с ее плеча и упала на землю.

Женщины замерли, дернулись в судороге и, оторвавшись друг от друга, встали с земли. Одна из них выхватила что-то из тени высокой травы – темный предмет, которого Иммануэль не могла разглядеть со своей позиции. Женщины синхронно повернулись к ней.

В полный рост женщины оказались на фут выше нее. Лица обеих выражали одинаковую отрешенность: рты разинуты, алые губы блестят, как зияющие раны. Меж их бровей было высечено что-то вроде печати невесты, только звезда в центре рисунка незначительно отличалась, возможно, меньшим вниманием к деталям. Женщины стояли неподвижно, но кости в их телах словно ходили ходуном, как будто сами скелеты норовили вырваться из-под кожи. Их глаза казались мертвенно-белыми, цвета выбеленной солнцем кости. Ни зрачков, ни радужки, и все же, каким-то образом, их взгляды были устремлены на Иммануэль.

Глава 4

*Удивительна любовь между Отцом и Матерью, светом и тьмой.
Одно не может существовать без другого. И все же им никогда не стать
единым целым.*

Священное Писание

Сначала вперед вышла женщина со светлыми волосами, высвободив руку из хватки любовницы. В несколько широких шагов она пересекла поляну и остановилась буквально на расстоянии вытянутой руки от Иммануэль. Вблизи стало заметно, что лицо женщины было сильно изуродовано: нос переломан, кость на переносице выпирала под острым углом. Ее полные губы немного припухли, и Иммануэль увидела, что нижняя была рассечена посередине. Ее обнаженные груди грузно висели, а голова упала набок, словно шее не хватало сил, чтобы удерживать череп вертикально.

Следом за ней, пробираясь сквозь траву и папоротники, к ним подошла и черноволосая женщина. И ростом и красотой она превосходила первую женщину, и ступала с робкой грацией лани. Она остановилась рядом со своей возлюбленной и обвила рукой ее талию, словно утягивая обратно. Но женщина отмахнулась от нее, упрямо шагнула вперед и медленно протянула руку к Иммануэль, как будто приветствуя. В пальцах, бледных и искореженных, совсем как у Абрама, она сжимала небольшой предмет черного цвета.

Это была тетрадь в кожаном переплете.

Бледная женщина прижала тетрадь к груди Иммануэль, и она отшатнулась, припав к стволу ближайшей сосны. Рот женщины скривился в подобии улыбки.

«Возьми». Слова разнеслись на ветру, беснующемся в ветвях деревьев. Когда Иммануэль их услышала, у нее подогнулись колени. «Она твоя».

Дрожащими руками она приняла подарок. Тетрадь оказалась тяжелой и непривычно теплой на ощупь, словно под ее переплетом струилась кровь. Вцепившись в тетрадь, Иммануэль не чувствовала ни страха перед этими женщинами, ни стыда за их наготу. Необыкновенное чувство охватило ее. Слово она оторвалась от земли, словно ее душа больше не была привязана к ее телу.

Лес огласился задушенным криком, выводя ее из оцепенения.

Иуда.

Иммануэль резко вскинула голову и повернулась к деревьям. Она с усилием преодолела несколько шагов, подняла с земли упавшую сумку, сунула тетрадь в наружный карман, и только после этого бросилась бежать со всех ног.

Ветки цеплялись за ее платье и хлестали по щекам. Она не могла разобрать, то ли это ветер завывал в ушах, то ли женщины с поляны звали ее обратно. Но с каждым шагом, с каждым рывком вперед, она как будто глубже проваливалась в дебри леса. Кустарник здесь рос гуще, кроны деревьев нависали ниже, а тени ползли, как пролитые чернила.

Ей было все равно. Она бежала дальше.

Ботинок Иммануэль зацепился за корень дерева, и она упала, глухо ударившись о землю. Ловя ртом воздух, она заставила себя подняться с земли, и вдруг увидела знакомые глаза, вперившиеся на нее из темноты: Иуда.

Но не *весь* Иуда: лишь его отрубленная голова, истекавшая кровью, покоилась на пне неподалеку.

При виде этого зрелища она зажала рот ладонью, сдерживая крик и тошноту, подступившую к горлу. Ее заколотил озноб такой страшной силы, что она еле удержалась на ногах.

Она снова бросилась бежать, еще быстрее, чем прежде, ломясь напролом через заросли, продираясь сквозь сосны, лишь бы унести ноги. И, слава Отцу, у нее получилось.

Мрак рассеялся, деревья стали редеть, и мало-помалу лес уступил свои права вефильской равнине, когда Иммануэль увидела наконец извилистую тропу, ведущую к ее дому. Уже у самой опушки у нее подкосились ноги, и из тени деревьев она выползла на четвереньках, едва не задыхаясь. С трудом поднявшись с земли, она преодолела остаток пути до Перелесья, еле волоча негнущиеся ноги и загнанно дыша, точно к ее лодыжкам были прикованы гири. На подходе к землям Муров она увидела Марту, Анну и Глорию. Неся перед собой факелы, они бродили по пастбищам на холмах и безжизненным кукурузным полям, и звали ее по имени.

Иммануэль окрикнула их, и женщины обернулись. Глория первой бросилась ей навстречу, путаясь в подоле ночной сорочки. Она обвинила Иммануэль за талию и крепко стиснула в объятиях.

Следом подошла Анна. Вознося хвалу небесам, она потянулась к лицу Иммануэль, дотрагиваясь пальцами до кровоточащих ранок на щеке, где ее оцарапали колючки, до разбитой губы и ушибленного подбородка.

– Что с тобой стряслось?

Иммануэль открыла рот, чтобы ответить, но не смогла вымолвить ни слова. Она перевела взгляд на Марту. Та стояла в нескольких ярдах от них, опустив фонарь и сузив глаза. Не говоря ни слова, она мотнула головой, жестом командуя девушкам возвращаться на ферму. Глория убрала руки с талии Иммануэль, Анна отстранилась, и вчетвером они пошли по пастбищу в полной тишине.

Едва переступив порог дома, Анна увела Глорию вверх по лестнице, задержавшись лишь затем, чтобы пожелать Марте и Иммануэль доброй ночи. Когда мать и дочь скрылись в своих комнатах, бабушка повернулась к Иммануэль и сказала:

– Следуй за мной.

Марта провела ее через гостиную в кухню, где было почти темно, если не считать теплого мерцания очага. Там она сняла с крюка кочергу и поворошила угли в камине, затем поставила кочергу к стенке, прислонив рукоять к кирпичной кладке, оставив железное острие в центре пламени.

– Ты продала барана?

Иммануэль отрицательно покачала головой.

– Тогда где же он?

Иммануэль закрыла глаза. Она и сейчас как наяву видела голову Иуды, водруженную на том пне, видела его кровь, замаравшую деревья вокруг.

– Я его потеряла. В лесу.

– Ты ходила в Темный Лес? *Ночью?*

– Я не специально, – тихо ответила Иммануэль, чувствуя, как пульсирует от разговоров разбитая губа. – Иуда сорвался с поводка и убежал в чащу. Я думала, что смогу его найти, но тут началась гроза, и я заблудилась, а потом наступила ночь. Прости. Я повела себя глупо и неосторожно. Я виновата. Нужно было тебя послушаться.

Марта прижала ладонь ко лбу. В эту минуту она выглядела ужасно старой и немощной, словно события ночи выжали из нее последние капли молодости. За минувшие годы не только Абрам угасал на глазах. Иммануэль видела, что и Марта тоже страдает. Она понимала, что бабушка цепляется за церковные догматы и писания не столько из-за веры, сколько из страха. И пусть Марта никогда не произносила вслух имени дочери, было несомненно, что она живет в тени Мириам. Все, что делала Марта, начиная с молитв и заканчивая благотворительностью, она делала в тщетных попытках снять с себя проклятие, наложенное смертью дочери.

– Я кое-что видела там, – сказала Иммануэль, и собственный голос показался ей далеким и чужим, как будто кто-то незнакомый заговорил из соседней комнаты.

– Что? – в глазах Марты вспыхнул жуткий огонек. – Что ты видела?

– Женщин. Двух женщин в лесу. Они были там одни.

Ее пальцы сжались на лямке мешка. Таинственная тетрадь лежала на самом его дне, тяжелая, как камень. Иммануэль знала, что должна отдать ее Марте. Но она не хотела этого делать – она не могла. В памяти всплыли слова женщины, принесенные ветром: «*Она твоя*». У Иммануэль никогда не было ничего своего. Иногда ей казалось, что она и сама себе толком не принадлежит. Мысль о том, чтобы расстаться с одной из немногих вещей в мире, которую она могла по праву считать своей, была почти невыносимой и хуже любой порки. Нет, она не станет отказываться от тетради.

– И что же эти женщины делали в лесу?

Иммануэль тяжело сглотнула. На секунду она вспомнила, что чувствовала во время своей первой исповеди: она сидела на краешке стула в тени кухни, а напротив нее сидел апостол Амос, держа в руке Священное Писание, и хмурил брови. Он спрашивал, предавалась ли она когда-нибудь греху плоти, и не кладет ли по ночам руки туда, куда не пристало.

Марта вздохнула, и Иммануэль вынырнула из воспоминаний.

– Они были вместе, держались за руки. И глаза у них были такие странные, остекленевшие, и совсем белые. Они выглядели болезненно. Как будто... мертвые.

Губы Марты дрогнули, лицо исказила лютая гримаса, в тусклом свете очага почти уподобившая ее Авраму. Дрожащей рукой она снова потянулась к кочерге и, обхватив железную рукоять, выудила из углей, дымящуюся и раскаленную докрасна.

– Протягивай руку.

Иммануэль сделала полшага назад. Она ни в какую не могла заставить себя разжать пальцы. Ногти глубоко впивались в мягкую кожу ладоней.

Взгляд Марты помрачнел.

– Либо рука, либо щека. Выбор за тобой.

Стиснув зубы, Иммануэль протянула руку в пятно кровавого света, исходящего от очага.

Тогда Марта зачитала молитву грешников.

– Отвернись от искушений, не молви и не слушай зла. Прочь гони чертей и бесов, но явись на зов Отца. Если все же ты впотьмах с верного пути собьешься, исповедуйся в грехах, и молитвою спасешься.

Марта стиснула кочергу крепче в руке и занесла ее мерцающее острие над ладонью Иммануэль.

– Во славу Отца.

От нестерпимо жгучей боли у Иммануэль подогнулись колени. Сквозь ее стиснутые зубы вырвался крик, и она рухнула на пол, заливаясь слезами и прижимая руку к груди.

В глазах на миг потемнело, а когда зрение снова вернулось к ней, она обнаружила, что сидит на полу, прислонившись к кухонному шкафу, и Марта сидит рядом. В воздухе витал едва различимый запах обуглившейся плоти.

– Зло – это болезнь, а болезнь – это боль, – произнесла Марта, сама готовая расплакаться, как будто наказание далось ей не менее тяжело, чем Иммануэль. – Ты слышишь, что я говорю тебе, дитя?

Иммануэль закивала головой, давась всхлипами. Здоровой рукой она подтянула к себе заплечный мешок, опасаясь, что бабушка обыщет его и найдет тетрадь.

– Скажи, что ты все поняла. Дай мне слово.

Иммануэль вытянула слова на свет из глубины своего чрева. Ложь, слетевшая с ее языка, оказалась горькой на вкус.

– Даю слово.

Глава 5

Отец любит тех, кто служит Ему верой и правдой. Но те же, кто сбился с пути истинного – язычники и ведьмы, развратники и еретики, – познают жар Его небесного пламени.

Священное Писание

В ту ночь, после того, как Анна забинтовала ей руку, и все Муры крепко спали в своих постелях, Иммануэль достала со дна мешка запретную тетрадь и поднесла ее к пламени свечи. Рассмотрев ее со всех сторон, Иммануэль пришла к выводу, что это была очень добротная тетрадь, с обложкой, сшитой из лоскутов кожи, мягкой, как щечки новорожденного теленка. Промеж страниц торчала шелковая закладка, такая тонкая, что слегка трепетала от дыхания Иммануэль.

Она открыла обложку, хрустя потревоженным корешком, и вдохнула запах старой бумаги с примесью белого клея. Внизу на первой странице стояла подпись: «*Мириам Элизабет Мур*».

У Иммануэль так сильно задрожали руки, что она чуть не выронила тетрадь. Имя и почерк ее матери. Эта тетрадь принадлежала ей. Но как мамин дневник мог оказаться у женщин из Темного Леса? Что их связывало?

Ниже подписи Иммануэль с удивлением обнаружила небольшой набросок, выполненный тушью. Края рисунка были неровными, точно его вырвали из какой-то другой тетрадки и вклеили на страницы этой, но в тщательно прорисованных деталях Иммануэль без труда узнала черты матери, знакомые ей по портретам, висящим в гостиной. Мириам с наброска была молода, лет семнадцати-восемнадцати от роду, едва ли старше самой Иммануэль, и одета в длинное платье, бесцветное здесь, но на самом деле винно-красное – Иммануэль знала это, потому что оно хранилось, сложенное, на дне ее сундука. За спиной нарисованной Мириам простирался лес, она улыбалась.

На следующей странице был изображен молодой мужчина, внешностью похожий на Иммануэль. Густая копна тугих вьющихся кудряшек, самые непослушные из которых падали ему на лоб. Остро очерченный подбородок, темные глаза, обрамленные густыми ресницами, и кожа – на несколько оттенков темнее, чем у Иммануэль. Несмотря на строгое выражение лица, глаза его казались добрыми. Под портретом не стояло даты, только имя, впервые упомянутое на страницах дневника: «*Дэниэл Льюис Уорд*». За портретом шли заметки, больше всего похожие на любовную лирику:

*«Порой мне кажется, у нас одна душа на двоих. Я поделила его боль.
Он поделил мою».*

И несколько страниц спустя:

*«Я люблю его. Это он научил меня. Думаю, не встречу я его, я бы так
и не сумела открыться навстречу этому чувству».*

Потом записи стали короче, нацарапанные более небрежным, чем прежде, почерком, как будто в сильной спешке. По большей части в них Мириам описывала свои короткие встречи с Дэниэлом под покровом ночи, или после церкви в субботние дни, тайком ото всех. Ни в одной из записей, коих здесь были десятки, она и словом не обмолвилась о пророке. Однако Иммануэль чувствовала его присутствие на страницах дневника – тенью на полях, кляксой между строк. И хотя она знала, что этой истории уготован трагичный финал, она все же тешила напрасные надежды на другой исход. Счастье Мириам сменилось надеждой, затем страхом, и наконец, чистым отчаянием... А вслед за отчаянием пришла какая-то беспомощность.

Несколько месяцев прошло без единой записи, и Иммануэль оставалось только догадываться, что в этот период Мириам держали под стражей в Обители Пророка. А потом: *«Они отняли его у меня. Они отвели его на костер. Пламя поднялось так высоко. Они заставили меня смотреть, как огонь забирает его»*.

Иммануэль пыталась сдержать слезы, но несколько слезинок все равно сорвались с ресниц. Она заставила себя перевернуть страницу. Следующая запись была датирована *«летом года Омеги»*. Запись гласила: *«Я жду ребенка»*.

Слезы потекли ручьем, и Иммануэль прервалась, вытирая лицо рукавом ночной сорочки. Следующая запись была сделана *«зимой Омеги»*, целых восемь месяцев спустя предыдущей. Иммануэль прочла: *«Я видела зло этого мира, и я полюбила его»*.

Со временем записи приобретали все более и более странный вид. Размашистый каллиграфический почерк, в котором Иммануэль уже узнавала руку своей матери, стал неряшливым, как будто она писала в дневник в темноте. Рисунки тоже изменились. Портреты и пейзажи превратились в лихорадочные каракули, абстракции, забрызганные кляксами, до того мало-вразумительные, что Иммануэль смутно понимала, что на них изображено. На одном таком рисунке женщину, согнувшуюся в три погибели, похоже, рвало ветвями деревьев. На другом – автопортрете Мириам – она стояла нагая, одной рукой обнимая себя за груди. Ее распущенные волосы спадали по спине, а на животе, округлившемся от бремени, был начертан неровный символ, напомнивший Иммануэль о печатях, которыми клеймили невест между бровями, только намного большего размера.

На следующей странице сплетались в одно целое две женские фигуры. Нагие, как и все женщины на рисунках, они держались за руки. У обеих меж бровей виднелось то, что Иммануэль поначалу приняла за печать пророка. Только при ближайшем рассмотрении она заметила, что звезда в середине этой печати была семиконечной вместо привычной восьмиконечной. В углу рисунка стояло название и дата: *«Возлюбленные. Зима года Омеги»*. Это были те самые женщины, которых видела в лесу Иммануэль. Женщины, которые вверили ей этот дневник. Не какие-то *случайные* женщины, а сами Возлюбленные, Иаиль и Мерси, ведьмы и служанки Темной Матери, погибшие в огне Священной Войны, расплачиваясь за свои грехи и распутство.

Каким-то образом, вопреки всякой логике, они были живы в Темном Лесу, и ее мать была с ними *знакома*. Возможно, жила с ними. Иначе зачем бы ведьмы отдали ее дневник Иммануэль? Иначе откуда бы в нем взялись портреты ведьм? Возможно, Возлюбленные считали, что выполняют волю Мириам, когда отдавали его Иммануэль? И это стоило расценивать как некое подобие наследства? Выполнение обещания, давным-давно данного Мириам?

Потрясенная до глубины души, Иммануэль вернулась к изучению дневника. Записи становились короче и реже. Остались в основном только простенькие наброски, то и дело перемежаемые неразборчивыми зарисовками. На одном из рисунков были изображены два дуба со странными вильчатыми символами, вырезанными в их стволах. А сразу за деревьями, в небольшой лощине посреди Темного Леса, стояла маленькая пасторальная хижина. Иммануэль не сразу сообразила, что именно видит перед собой. Это была та самая хижина, где, со слов Мириам, она провела зиму после своего бегства в Темный Лес.

Иммануэль продолжала листать странную тетрадь – казалось неправильным и дальше называть ее дневником, учитывая, насколько бессвязными стали записи. Но один рисунок привлек ее внимание. На переднем плане проступало лицо – штрихованная линия рта, два узких глаза, полные губы и длинный кривой нос, казавшийся сломанным. А на фоне маячил искривленный абрис обнаженной женщины, у которой вместо головы было нечто, что Иммануэль описала бы как череп оленя, увенчанный развесистыми рогами.

Лилит.

Имя невольно всплыло в памяти Иммануэль, обрывком истории, которую пересказывали друг другу у костров или нашептывали по секрету, прячась за сложенными ладонями. Лилит,

дочь Темной Матери. Владычица грехов. Королева-ведьма Темного Леса. Иммануэль узнала бы ее где угодно.

Следующую страницу занимал рисунок женщины, выходящей из какого-то будто бы озера. Как и Возлюбленные, она была без одежды, и длинные черные волосы безжизненно свисали с ее плеч. Рисунок назывался *«Далила, ведьма воды»*. А рядом – приписано: *«Я снова видела Зверя и ее дев. По ночам в лесу я слышу их возгласы. Они взывают ко мне, и я взываю к ним. И нет любви более чистой»*.

Что-то противно закопошилось у Иммануэль в животе. Дрожащими руками она переворачивала страницы, приближаясь к концу дневника. Из всего увиденного, эти каракули внушали ей наибольшее беспокойство. А подписи к ним были до того невразумительны, что прочесть их оказалось почти невозможно. Но Иммануэль удалось разобрать одну фразу, которая снова и снова повторялась по краям рисунков, выдавленная на полях криво исписанных страниц: *«Ее кровь порождает кровь. Ее кровь порождает кровь. Ее кровь порождает кровь»*.

Чем дальше продвигалась Иммануэль, тем абстрактнее становились рисунки. Некоторые страницы были просто забрызганы чернилами, другие – испещрены росчерками, нанесенными с неистовством, рвавшим страницы в клочья. Среди этих последних рисунков, если их вообще можно было так назвать, Иммануэль поняла только один. Это... нет, *она*, потому что, по какой-то неведомой причине, Иммануэль не сомневалась, что это именно *она*... она была вихрем. Месивом из зубов, глаз и изорванной плоти. Тюльпанный бутон, знаменующий, вероятно, женское начало существа или, быть может, разинутую пасть. Переломанные пальцы и обестеленные глаза с узкими зрачками-щелочками. Необъяснимым образом, чернила до их пор выглядели влажными и зыбью устремлялись к краю страницы, словно норовя пролиться на постель и дочерна пропитать простыни.

Последняя запись в дневнике разительно отличалась от остальных. Каждый дюйм этого разворота был исписан четырьмя повторяющимися словами: *«Кровь. Мор. Тьма. Резня. Кровь. Мор. Тьма. Резня. Кровь. Мор. Тьма. Резня. Кровь. Мор. Тьма. Резня...»*

И далее, и далее.

А прямо под ураганом из этих слов, в самом низу последней страницы дневника, как послесловие, было нацарапано: *«Отец, спаси их. Отец, спаси нас всех»*.

Глава 6

Впервые я увидел тебя на берегу реки. Солнце играло на твоих щеках, ветер трепал локоны, а ты сидела, спустив ноги в воду, и улыбалась мне. Думаю, до этого момента я никогда не испытывал настоящего страха, но Отец мне свидетель, я боялся тебя.
Из предсмертных писем Дэниэла Уорда

Восемь дней минуло без происшествий. По утрам Иммануэль гнала овец на пастбище. Иногда отводила девочек в школу. Продавала на рынке шерсть и боролась с соблазнами книжной палатки и леса. В субботу она пришла в собор и сложила свои грехи к ногам пророка. Во время молитвы она закрыла глаза и не открывала их. Она пела гимны с таким усердием, что охрипла к середине службы, и остаток многочасовой мессы ей пришлось разговаривать шепотом. Дома она не перечила Марте и не цапалась с Глорией.

Она следовала всем догматам и заповедям.

Но по ночам, когда Муры расходились по своим комнатам и дети ложились спать, Иммануэль доставала из-под подушки дневник матери и читала его с тем благоговением, с каким Марта штудировала страницы Священного Писания.

Во снах она видела женщин в лесу. Сплетение их ног и цепкие пальцы. Мертвые взгляды, невидяще впериившиеся в черноту лесных коридоров, разомкнутые губы, точно после долгих поцелуев. И наутро, когда Иммануэль просыпалась от этих окаянных сновидений, вся в холодном поту, запутавшись ногами в простынях, Темный Лес подолгу не шел у нее из мыслей, и ее желание вернуться туда снова неумолимо росло.

Утром, которым Лия должна была получить печать и обвенчаться с пророком, Иммануэль проснулась, лежа щекой на дневнике своей матери. Встрепенувшись, она резко села и разгладила страницы, прежде чем захлопнуть тетрадь и сунуть ее под матрас.

Втиснув ноги в резиновые сапоги, она спустилась по лестнице и через черный ход вышла во двор, откуда двинулась к загону, чтобы выпустить овец на пастбище. Затем, готовясь запрягать коляску перед поездкой в собор, вывела из стойла старого мула, отмыла его, накормила и подуздала.

За полями и за пастбищами чернел лес, погруженный в тень светом восходящего солнца. Иммануэль поймала себя на том, что ищет среди ветвей лица Возлюбленных, которых встретила той ночью в лесу; силуэты, зарисованные в дневнике ее матери.

Но она никого не видела. Лес вдали стоял тихо и неподвижно.

К тому времени, как Иммануэль вернулась на ферму, дочери Муров завтракали в столовой. Онор сидела за столом, зачерпывая ложкой остатки каши, а Глория изучала свое отражение на дне начищенной кастрюли, дергая себя за косы и хмурясь.

Анна нарядилась в свое лучшее субботнее платье. Ее волосы были собраны на макушке, украшенные полевыми цветами. Она сияла; она всегда сияла в такие дни.

– Кто бы мог подумать, что нашему пророку приглянется Лия, – протянула она почти нараспев.

Из-за угла кухни вышла Марта, ведя за собой Абрама. Тот волочил по половицам искалеченную ногу, тяжело привалившись к ее плечу. Марта бросила на Иммануэль многозначительный взгляд, сморщив печать между насупленных бровей.

– Это свидетельствует о ее добродетели.

Иммануэль вспыхнула, пристыженная скрытым уколом.

– Так и есть.

С этими словами она удалилась в умывальную, путаясь ногами в подоле ночной сорочки. Там она стала приводить себя в порядок. Делать ей было практически нечего, разве что отмыть руки от грязи и смочить непослушные локоны в жалкой попытке усмирить их. Иммануэль попыталась уложить их в прическу, как у Анны, но кудри только сбивались в колтуны, в которых терялись шпильки и путались зубья ее гребешка.

Поэтому она оставила волосы распущенными, позволив густым локонам спадать на загривок. Она пощипала себя за щеки, чтобы нагнать в них румянец, покусала и облизала губы.

Хмурым взглядом она окинула свое отражение в зеркале над раковиной. Но чем дольше она всматривалась себе в глаза, тем сильнее искажалось и изменялось ее лицо. Ее кожа побледнела. Глаза расширились. Губы скривились в гримасе.

И вдруг уже в зеркале перед ней было вовсе не ее лицо, а лицо одной из Возлюбленных. Той самой покойницы, что дала ей дневник. Губы женщины раскрылись. Эхо странного, переливчатого голоса эхом прозвучало в голове Иммануэль: *«Кровь. Мор. Тьма. Резня»*.

Иммануэль в то же мгновение отскочила от раковины и, врезавшись в ванну, упала на пол. Вскочив на ноги, она выбежала из умывальной и взмахнула по железной лестнице вверх, в свою спальню на чердаке, ногой захлопнув за собой дверь.

Она сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Иммануэль прижала к лицу дрожащие ладони и зажмурилась, как будто темнота могла сдержать наплыв воспоминаний. Но Иммануэль была не в силах забыть тех женщин в лесу. И, что еще хуже, она не знала, хочет ли забывать. Ведь если бы хотела, то наверняка отвернулась бы от греха и выдала дневник. Или, еще лучше, бросила его в каминное пламя и сожгла дотла. Но она этого не сделала. Она не могла. Она скорее согласилась бы на прикосновение раскаленной кочерги, лишь бы не видеть, как то небольшое, что оставалось у нее от матери, обращается в прах.

Но ведьмы, передавшие ей дневник, и их злые козни были совершенно другим делом. Она отказывалась поддаваться под их тлетворное влияние, как это случилось с ее матерью. Так просто она не отвернется от своей веры. Она решила, что сохранит дневник, хотя бы в напоминание о том, до чего может довести грех человека, который достаточно слаб, чтобы поддаться ему.

Отняв ладони от лица, Иммануэль увидела платье, разложенное в изножье своей кровати – то самое, в котором она ходила на церемонию печати Джудит. Оно было выцветшего соболинного цвета, с тонкой юбкой, длинными рукавами-фонариками и рядом ржавых медных пуговиц, которые заканчивались под самой грудью. Детское платье, больше уместное для девочки возраста Глории, нежели Иммануэль.

Она вздохнула. Ничего не поделаешь. Уж наверное, она не могла надеть свой обычный субботний наряд, слишком повседневный для такого важного события. Но тут она вспомнила портрет матери, который нашла несколькими днями ранее под обложкой ее дневника. Рисунок, на котором Мириам стоит на опушке запретного леса.

Иммануэль опустилась на колени перед сундуком для приданого и принялась рыться в своих сокровищах. По большей части это были просто памятные вещицы, одеяла и ленты, засушенные букетики и прочие безделицы, накопившиеся у нее за годы. Ничего столь же ценного, как дневник, ничего запрещенного. Но на дне сундука, завернутое в пергаментную бумагу, лежало платье ее матери, то самое, в котором она была изображена на портрете.

Ничем не примечательное, оно не могло сравниться с тем, какое наденет на церемонию Лия, но это было добротное субботнее платье винного цвета с медными пуговицами под горло. В редкие случаи, когда Иммануэль примеряла его – в своей комнате на чердаке, после того, как вся семья отходила ко сну, – она казалась себе достойной, и даже красивой, как девушки, которых она часто видела на рынке, слонявшимися по магазинам в перчатках и шелковых шляхах.

Сняв ночнушку, она натянула на себя платье. Оно сидело на ней не идеально, слишком широкое в талии, а в бедрах, напротив, обтянувшее ту же, чем одобрила бы Марта, но все равно оно было ей больше впору, чем обноски Анны, и выглядело не в пример лучше. К тому же юбки платья спадали до самой земли и запросто прятали голенища ее сапог, слишком потертых, чтобы их не стыдно было надеть куда-либо, кроме как в поле.

Одевшись, Иммануэль сняла со шкафа венки из полевых цветов. За неделю, прошедшую с того дня, когда они нарвали их вместе с Лией, цветы отлично засушились, и кольцо венка – тугая паутина переплетенных между собой стеблей – держалось крепко. Иммануэль осторожно надела венок на голову, приколотла булавкой и повернулась, чтобы посмотреть на свое отражение в окне комнаты.

Она не могла бы назвать себя писаной красавицей. Еще не зажила ранка на губе и не сошли синяки после потасовки с Иудой больше недели назад. Но она решила, что сегодня она не затеряется рядом с Джудит, Лией и другими девушками, которые будут присутствовать на церемонии. Цвет платья подчеркивал насыщенный оттенок ее кожи и придавал глазам выразительность, а с венком в волосах ее прическа приобретала довольно приятный вид.

Ее юбки шуршали вокруг лодыжек, когда Иммануэль вышла в коридор. Не спеша она спустилась по лестнице и направилась в кухню. Омор, в платьице цвета сумерек и тесных башмачках из кожи на пухлых ножках, первая заметила Иммануэль и при виде ее запищала от восторга.

– Дай поносить венок! – взмолилась она, хохоча и хватая воздух протянутыми руками. Иммануэль косо улыбнулась и уступила, водрузив венок на рыжие детские кудри.

– Это платье Мириам.

На пороге кухни стояла Марта, сжимая в руках мокрую посудную тряпку.

Иммануэль даже не помнила, когда бабушка в последний раз произносила имя дочери. В ее устах оно звучало странно, инородно.

Иммануэль сняла венок с головы Омора и снова надела на себя, ловко перекалывая булавки.

– Я нашла платье на дне сундука и подумала, что могла бы надеть его на церемонию, если ты сочтешь его подходящим.

– Подходящим? – губы Марты дрогнули. – Да, этого не отнять.

Иммануэль замолчала, не находя ответа и раздумывая, не вернуться ли ей к себе и не переодеться в платье, приготовленное для нее Анной. Но ее ноги словно приросли к полу.

На удивление, Марта смягчилась и посмотрела на нее если не с теплотой, то, как казалось Иммануэль, со смирением.

– В нем ты похожа на свою мать, – сказала она.

Коляска, запряженная мулом, тащилась по равнине, везя семейство Муров в собор. День стоял погожий. Солнце жарко целовало Иммануэль в шею, в воздухе пахло летом – потом, медом и яблоневыми цветами.

Всю дорогу она старательно воротила взгляд от Темного Леса. Марта с той самой ночи наблюдала за ней. Глаз у нее был зоркий, и Иммануэль понимала, что ей не избежать скорого и болезненного наказания, если ее снова поймают в лесу. Поэтому она и сидела, уставившись в пол телеги и сложив на коленях руки.

К тому времени, когда они подъехали к собору, большинство прихожан уже собрались на лужайке у входа. Иммануэль выпрыгнула из коляски и оглядела толпу в поисках Лии, но вместо этого наткнулась взглядом на Эзру, который стоял с компанией юношей своего возраста и стайкой девушек, среди которых были Хоуп, Джудит и еще несколько жен пророка.

Заметив Иммануэль, он кивнул ей в знак приветствия. Она помахала ему в ответ, все время ощущая на себе изучающий взгляд Джудит и остальных девушек, и скрылась во мраке

собора. Там она и нашла Лию, которая стояла на коленях у подножия алтаря и молилась. Услышав гулкие шаги Иммануэль, она открыла глаза и повернулась к подруге.

Облаченная в белое, с длинными распущенными волосами, достававшими до поясницы, Лия была необыкновенно хороша. Она расплылась в улыбке и бросилась к Иммануэль со всех ног, сразу заключая ее в крепкие объятия.

Какое-то время они стояли молча и просто обнимались.

Наступал конец их дружбы – дружбы, которая связывала их с детства. В какой-то момент, за минувшие годы Лия успела стать женщиной, а Иммануэль – нет, и теперь их дороги должны были разойтись.

– Выглядишь, как настоящая невеста пророка, – сказала Иммануэль, стараясь не выдавать голосом своей грусти.

Лия просияла и немного покружилась, и бледные юбки ее обрядового платья разлетались, невесомые, как туман. Она собственноручно сшила их из шифона за несколько месяцев до свадьбы, работая ночи напролет при свечах, подшивая в нижние юбки стихи из Священного Писания, как это было принято у молодых невест. Ее ноги были босые и чистые, волосы – разделены пробором посередине. На шее у нее висел новый церемониальный кинжал из золота, очень похожий на те, что носили апостолы, разве что с более тусклым и очень коротким лезвием. Вертя его в руках, она заговорила:

– Я уж думала, ты не придешь. Я волновалась.

– Наш мул решил не торопиться, – отозвалась Иммануэль.

– Что ж, главное, что сейчас ты здесь. Ты нужна мне. Для поддержки.

– Я буду рядом. Я всегда рядом.

Лия потянулась к ней и ледяными пальцами взяла Иммануэль за руку. Разглядывая бинты, она спросила:

– Ты не хочешь мне рассказать, что случилось?

– Не горю желанием.

– А я хочу знать, и ты не можешь мне отказать, потому что сегодня день моей печати.

Так что выкладывай.

Иммануэль устала на свои сапоги.

– Меня прижгли в наказание.

– Неужели Марта постаралась?

Иммануэль кивнула, не глядя на нее.

– Она слишком строга к тебе. И сейчас, и всегда.

– На этот раз наказание было заслуженным. Можешь мне поверить.

Лия нахмурилась.

– Чем ты провинилась?

Иммануэль помедлила с ответом, отчасти стыдясь, отчасти боясь признаться.

– Я ходила в Темный Лес. Мой баран сорвался с веревки и убежал в деревья. Я хотела его догнать, но резко стемнело, и я заблудилась. Я уже отчаялась, думала там и заночевать, а утром снова попытаться найти дорогу домой... Но потом я услышала голоса.

– И что же говорили эти голоса?

Иммануэль запнулась.

– Я не понимала ничего из того, что они говорили.

– Так это были... *чужеземцы*?

– Нет. Не думаю. Но звуки, которые они издавали, даже не были похожи на речь. Это больше напоминало всхлипы и стоны. Это и привело меня к ним.

Лия сильно побледнела и казалась совсем плохой на вид.

– Как они выглядели?

– Высокие, худые. Ужасно худые. И они лежали вдвоем на лесной поляне, заключив друг друга в объятия, как должно мужу и жене.

У Лии округлились глаза.

– Что они сделали, когда тебя увидели?

Иммануэль уже почти начала рассказывать о дневнике своей матери, но вовремя осеклась. Им обоим будет лучше, если сейчас она придержит язык за зубами. Она боялась, что и так наговорила лишнего. В конце концов, совсем скоро Лия свяжет себя с пророком священной печатью. Иммануэль знала, какую силу несут в себе подобные обеты, и хотя Лия заслуживала ее доверия как подруга, став женой пророка, она больше не будет принадлежать сама себе.

– Ничего. Просто стояли. Я убежала, прежде чем они успели подойти ближе.

Лия долго молчала, словно решала, верить ей или нет. А потом...

– Чем ты думала, скажи на милость? В этих лесах опасно! Нас не зря учат держаться от них подальше.

Вспышка гнева пробежала по ее позвоночнику.

– Думаешь, я этого не знаю?

Лия схватила ее за плечо и стиснула так крепко, что Иммануэль поморщилась.

– Мало ли, что ты знаешь, Иммануэль. Ты должна пообещать мне больше никогда не ходить в Темный Лес.

– Хорошо.

– Вот и славно, – сказала Лия, и ее хватка ослабла. – Надеюсь, женщины, которых ты там видела, провалятся обратно в преисподнюю, откуда они выползли. Здесь им не место.

– Но здесь их и не было, – тихо сказала Иммануэль. – Они были в Темном Лесу.

– Разве власть Отца не простирается и над лесом?

Иммануэль подумала о дневнике матери, о четырех словах на его последней странице: *«Кровь. Мор. Тьма. Резня»*.

– Быть может, Отец отвернулся от леса, – проговорила она, стараясь не повышать голоса. – У Него – свое царство, у Темной Матери – свое.

– И все же ты прошла по коридорам Темного Леса целая и невредимая. Это должно что-то значить.

Прежде чем Иммануэль успела ответить, зазвонил церковный колокол, и парадные двери распахнулись. Освещенный косым лучом солнца, вошел пророк. Он был одет в простую одежду – ни ризы, ни орария, в которые он облачался во время богослужений. Станным образом, повседневная одежда придавала ему особенно устрашающий вид. Иммануэль не могла не отметить его осунувшегося лица. Под глазами у него залегли темные мешки, и она могла поклясться, что в уголках губ запеклась кровь.

Взгляд пророка упал сначала на Иммануэль, потом на ее платье, и в глазах у него мелькнуло узнавание. Он смотрел словно сквозь нее, в то утраченное время, когда была еще жива Мириам. Она никогда до конца не понимала, что привлекло пророка в ее матери. Одни объясняли это любовью, другие страстью, но большинство верили, что Мириам околдовала пророка своими ведьмовскими чарами. Столько историй и столько тайн, запутанных узелков и ниточек без конца и начала, что Иммануэль гадала, не прячется ли истина где-то на пересечении их всех.

После долгой паузы пророк отвернулся от нее и кивнул Лие, словно только сейчас вспомнил, что она здесь. Он молча подошел к алтарю, останавливаясь лишь для того, чтобы покашлять в рукав. За ним собор заполнили остальные прихожане, рассаживаясь по скамейкам. Апостолы, включая Эзру, расположились по периметру зала.

Иммануэль старалась не смотреть в его сторону.

Лия, в свою очередь, перевела взгляд на пророка.

– Пора.

Иммануэль кивнула, сжав на прощание ее руку, после чего Лия ускользнула к алтарю. Иммануэль ушла искать свободное место, а апостолы совершили обряд благодарения, и Лия поднялась на алтарь, осторожно придерживая юбки, чтобы не оголить коленей. Она улеглась там и лежала неподвижно в ожидании клинка.

Пророк положил руку ей на живот.

– Благословляю тебя семенем Отца, – его рука переместилась ей на грудь. – Сердцем агнца.

Лия несмело улыбнулась. Слезы потекли по ее щекам.

Пророк взялся за цепь, на которой висел кинжал, и снял через голову.

– Да пребудет в тебе сила Отцова, отныне и во веки веков.

– *Благословенны будьте во веки веков*, – вторили в унисон прихожане.

Тогда он поднес нож ко лбу Лии и провел лезвием по коже, вырезая первую линию священной печати. Она не кричала и не сопротивлялась, даже когда кровь стекала у нее по вискам и собиралась в ушных впадинах.

Паства наблюдала за происходящим молча. Иммануэль вцепилась в скамью так, что побелели костяшки пальцев, заставляя себя не двигаться с места все время, пока тянулся ритуал нанесения печати.

Казалось, прошли часы, когда пророк наконец положил руку Лии на голову и ласково погладил по волосам, задержавшись там пальцами и ероша ее локоны.

Почувствовав его прикосновение, Лия медленно села. Струйка крови потекла по ее носу и окропила губы. С дрожащей улыбкой и полными слез глазами она повернулась лицом к собравшимся и слизнула кровь.

Глава 7

*Лилит в короне из костей,
Праматерь всех лесных зверей.
Далила с нежной улыбкой
Плывет в озерной ряби зыбкой.*

*Сияют звезды и луна,
К ним песнь двоих обращена.
То Мерси с Иаиль воспели
Свою любовь и грех смертельный.*

*Но те, кто в темный лес войдут,
Когда над ним сгустится тьма,
Пути обратно не найдут
И жизнь их будет прервана.*

Вефильская колыбельная

После церемонии закатали пир, один из самых обильных со времени осеннего сбора урожая. Гостей Лии и пророка разместили за девятью столами, такими длинными, что каждый тянулся из одного конца церковного двора до другого. Все они были заставлены разнообразными блюдами и яствами: тушеной говядиной и картофелем, жареной кукурузой, хлебом и сыром. Пили яблочный сидр и ячменное вино, которое мужчины хлестали из огромных деревянных кружек, проливая пену на свои бороды. На десерт угощались моченой сливой со сливками и сахаром.

В небе, усыпанном звездами, висела наливная круглая луна. Гости гуляли на широкую, пировали, общались и смеялись, опьяненные силой обряда. Семьи собирались вместе, и жены пророка ходили между столами, ухаживая за гостями и находя время перемолвиться словом с каждым.

Во главе пиршества, за маленьким столиком, накрытым на двоих, восседали Лия и ее супруг, пророк. Девушка улыбалась, невзирая на боль в свежей ране, которую успели промыть и перевязать. Когда она увидела Иммануэль, сидящую с Мурами в задней части церковного двора, улыбка Лии стала еще шире. Ее глаза сверкали в свете костров, щеки румянились от жары и, возможно, от выпитого сверх меры ячменного вина. Пророк сидел рядом, опираясь локтями на стол и сцепив пальцы в замок. Когда он проследил направление взгляда своей молодой жены, у Иммануэль возникло стойкое ощущение, что пророк изучает ее.

При этой мысли холодок пробежал у нее по спине, но не успела она отвести взгляд, как пророк встал, и его паства вмиг стихла. Он отвернулся от Иммануэль и, обогнув стол, обратился к собравшимся:

– Сегодня мы отмечаем радостное событие, – произнес он слегка охрипшим голосом. – Я вступаю в священный союз с праведной дочерью Отца нашего, и за это воздаю благодарность.

Гости захлопали в ладоши.

– Отец в своем божественном провидении наградил меня многими женами, каждая из которых воплощала добродетели нашей веры. Посему я хотел бы почтить Отца нашего в ознаменование Его бескрайней милости и щедрости, – он прервался, чтобы прокашляться в складку рукава, затем оправился и продолжил с улыбкой: – Выносите ведьм.

Прихожане возрадовались. Мужчины высоко поднимали кубки, жены стучали тарелками по столу, дети хлопали себя по коленям и животам. Под звуки фанфар из собора вышли апо-

столы, неся чучела, изображавшие женщин. Чучела крепились на железных крестах таким образом, что деревянные руки фигур были простерты в стороны, а шеи и тела связаны веревками.

Завидев их, толпа взорвалась аплодисментами. Подняв кулаки в воздух, мужчины выкрикивали проклятия ветру.

Вперед выступил апостол с первой ведьмой – небольшим плетеным чучелком ростом едва ли выше Онор.

– Это Мерси, – сказала Анна, улучив момент для обучения дочерей тонкостям веры.

Следующий апостол держал свою ведьму высоко над головой, и ее сорочка неистово развевалась на ветру. Когда ее юбка взметнулась вверх, обнажая срамное место, некоторые из мужчин, что понаглее, стали глумиться:

– *Блудница! Потаскуха!*

– А кто бы это могла быть? – Анна ткнула пальцем в чучело, которое апостол нес к ревущему пламени.

Иммануэль ответила:

– Это Иаиль, – назвав ведьму по имени, она повела плечами, вспоминая жалкое создание, с которым столкнулась в Темном Лесу несколько дней тому назад. – Вторая Возлюбленная.

– Верно, – сказала Анна и презрительно скривила губы. – Она и есть. Опасная тварь. Порочна и хитра, как сама Темная Мать.

Она потянулась к Онор и принялась щекотать ей живот. Девочка взвизгнула, захихикала и задрыгала ногами, так что посуда звенела, когда она задевала башмаком ножку стола.

Настала очередь третьей ведьмы. На ней было надето платье, чем-то похожее на платье Иммануэль, только под юбки ей набили соломы, имитируя округлость беременного живота.

– Далила, – сказала Марта. – Ведьма воды. Блудница из ада.

Последнюю ведьму нес на железном шесте Эзра. Фигура была в два раза больше остальных, обнаженная, с телом в виде вязанки березовых веток. По обе стороны от головы чучела отходили изогнутые ветви молодого деревца, образуя рога.

Анна не назвала имени ведьмы вслух, хотя и захлопала в ладоши, когда Эзра проносил ее мимо. Но Глория и Онор умолкли и как будто съезжились, когда по ним скользила тень последней ведьмы.

Имя всплыло из глубин сознания Иммануэль: Лилит. Первая дочь Темной Матери. Лесная королева-ведьма, державшая всех в страхе, губя любого, кто посмеет встать у нее на пути.

Апостолы занесли свои кресты с ведьмами над головами и крепко вогнали их в землю, чтобы чучела держались вертикально, каждое на своем кресте. Пророк поднял факел – пылающую ветку размером почти с Иммануэль. Он поднес огонь к ведьмам и поджег каждую из них по очереди. Сначала – Возлюбленных, Иаиль и Мерси, затем – ведьму воды, Далилу.

Иммануэль ощутила в горле кислый привкус, желудок скрутило. Гул крови в ушах на мгновение затмил улюлюканье толпы.

Последней ведьмой, сожженной в ту ночь, стала Лилит, и пророк не преминул воспользоваться моментом. Он поднял охваченную огнем ветку высоко над головой и воткнул ее ведьме меж рогов, как меч. В глазах пророка отражалось пламя, а на дне зрачков, казалось, тлели угли костра.

Иммануэль молча смотрела, как горит Лилит, снедаемая прожорливым пламенем, даже после того, как остальные гости вернулись к угощениям и разговорам. Она смотрела на горящих ведьм, пока не погасли костры, и только почерневшие кости Лилит не остались дымиться на железном кресте.

Иммануэль сбежала с праздника, разогретая ячменным вином. Голова была налита свинцом. Она прошла мимо детей, носившихся вокруг обугленных останков ведьминых костров и

горланивших гимны поверх музыки скрипача; мимо Лии, пророка и выводка его жен; мимо Муров, никем не замеченная.

На заплетающихся ногах Иммануэль обогнула собор и двинулась дальше, в сторону кладбища. Там она упала на колени, и ее вырвало в кусты ячменным вином. Она поднялась на ноги, чувствуя головокружение, и сделала еще несколько шагов, прежде чем ее снова вырвало. Зловонная жижа, забрызгав ближайшее надгробие, впиталась в землю.

Несмотря на летний зной, Иммануэль била дрожь. Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и вытерла рот рукавом.

Она наивно пыталась гнать от себя воспоминания о ведьмах. Но все, случившееся с ней той ночью в лесу, произошло наяву. Возлюбленные не были плодом ее разыгравшегося воображения. Плоть и кровь, они были так же реальны, как и она сама. Дневник, письма, запретный лес – все это теперь не отпускало ее, и она не могла отпустить их. Никакие покаяния и молитвы не принесли бы ей избавления.

То, что она увидела в лесу, стало частью ее самой... и эту часть она должна была в себе уничтожить, и безотлагательно.

Поднявшись с земли, Иммануэль пошла бродить по кладбищу, петляя среди могильных камней и читая эпитафии в попытке привести мысли в порядок. Некоторые из надгробий принадлежали пророкам и апостолам далекого прошлого, но большинство отмечали места захоронения воинов-ратоборцев, погибших в междоусобной войне с ведьмами. Ей встретилось несколько братских могил, где посвящения гласили просто: *«Вечная память слугам Отца, очистившим мир от скверны»*. Что же до ведьм, на их могилы не ставили надгробий. Их кости и память были упокоены в Темном Лесу.

В центре кладбища стоял массивный мраморный мемориал высотой почти с двухэтажный дом, вытесанный в форме скалы, которая торчала из земли, как плохо погребенная кость. Иммануэль опустилась на колени, чтобы прочесть текст в основании памятника, хотя в этом не было необходимости. Как и большинство жителей Вефиля, она знала его наизусть.

Он гласил: *«Здесь покоится первый пророк Отца, Дэвид Форд; весна года Пламени – зима года Бдения»*. А ниже – вытесанные прямо в мраморе слова: *«Кровь за кровь»*.

Несмотря на духоту летней ночи, Иммануэль поехала. Там, где она стояла, были закопаны останки Истребителя Ведьм, пророка, который выжег, выпотрошил и очистил Вефиль от зла. Ибо именно Дэвид Форд отвел Лилит и остальных ведьм ее ковена на костер, он разжег огонь и не давал пламени угаснуть. Именно он со своей победоносной войной Темных Дней стоял у истоков всех последующих чисток.

Иммануэль оттолкнулась от земли и встала. В этот момент до ее слуха донесся чей-то тихий плач. Осторожно лавируя между надгробиями, она добралась до границы кладбища, которое заканчивалось на подступах к лесу. Здесь вдоль кладбища тянулась железная ограда, отделяя его от деревьев, подобранных вплотную к Святым Землям. Там-то она их и обнаружила – Эзру и Джудит вдвоем под покровом ночи, всего в нескольких шагах от памятника, за которым пряталась Иммануэль. Они стояли близко друг к другу, и Джудит обеими руками хватала его за рубашку, комкая ткань в кулаках.

– Прекрати, – сказал Эзра, пытаясь разжать ее пальцы.

Но она только крепче вцепилась в него.

– Ты не заставишь меня желать его.

– Ты дала клятву, – взорвался Эзра. – Ты приняла печать, так же, как Лия, не забывай об этом.

Он стал отстранять ее от себя, но в этот момент Джудит дернулась ему навстречу, прижавшись губами к его губам. Она запустила руки под его рубашку и прильнула к нему своими бедрами.

– Пожалуйста, – мычала она ему в губы, в шею, – прошу тебя, Эзра.

Он схватил ее за плечи и оттолкнул от себя.

– Я же сказал, нет.

Глаза Джудит наполнились слезами. Она снова потянулась к нему, поймав его за рукоять кинжала, и дернула на себя с такой силой, что цепочка у него на шее лопнула. Серебряные звенья рассыпались по темноте, а несколько отлетели так далеко, что упали на землю у ног Иммануэль.

Ее сердце замерло и пропустило удар. Она развернулась и поспешила унести оттуда ноги, на бегу путаясь в подоле платья матери, когда кто-то из игравшей у огня детворы закричал.

Эзра повернулся на крик и тогда заметил Иммануэль. Он окрикнул ее по имени, и она бросилась бежать через кладбище так же быстро, как в ту грозную ночь в лесу.

Глава 8

Отец, спаси их. Отец, спаси нас всех.
Мириам Мур

В ту ночь Иммануэль снился лес. Ее воображение порождало образы Темной Матери, блуждающей по коридорам леса; в руках она держала забитого ягненка, и черная вуаль волочилась за ней по траве. Иммануэль снились чучела ведьм, пылающих, как факелы в ночи, снились сплетенные руки и украденные поцелуи. В кошмарах ей являлись Возлюбленные, они катались по земле, хватались друг за друга, оскалив зубы, и их глаза ярко белели в лунном свете.

Проснулась она в холодном поту, промочившем насквозь ночную рубашку, которая теперь липла к плечам, как вторая кожа. Она села в кровати. Голова шла кругом, сердце часто билось о ребра. В ушах не смолкало жалобное блеяние.

Поначалу она приняла его за эхо ночного кошмара. Но когда блеянье послышалось снова, она подумала о своих овцах, и морок сна сняло как рукой. Она вскочила на ноги и сняла плащ с крючка на двери, сунула ноги в резиновые сапоги, схватила лампу с прикроватной тумбочки и спустилась по чердачной лестнице в холл.

В доме было тихо, если не считать свистящего храпа Абрама. Судя по тому, как близко раздавались звуки, он заснул в постели у Анны. В последнее время он часто ложился с ней и почти никогда не посещал постель Марты.

Иммануэль была этому рада. В те ночи, когда Абрам приходил к Марте, бабушка не спала, и Иммануэль часто слышала, как та слоняется по дому. Как-то раз, несколько лет назад, около полуночи, Иммануэль застала Марту на кухне. Она стояла с кружкой, полной виски Абрама, уставившись в темноту леса, в то время как ее муж спал в ее постели.

Тишину разорвал очередной вопль, и мысли Иммануэль вернулись к стаду. Она метнулась вниз, стараясь по возможности не шуметь. Лампа в ее руках раскачивалась от быстрого шага, отбрасывая свет и тень во все стороны. Вой продолжался – протяжный и жалобный, он, казалось, проникал в самый скелет дома. Когда Иммануэль вскочила на задний двор, она поняла, с ужасом, заледенившим кровь, что звук доносился из Темного Леса.

Сойдя с крыльца, Иммануэль двинулась в сторону пастбищ, и свет ее масляной лампы казался единственным теплым пятном в густой черноте ночи.

Снова крик, на этот раз еще более пронзительный и громкий.

Иммануэль сорвалась на бег, но, добравшись до пастбища, обнаружила свое стадо, тихо и неподвижно сгрудившееся в полуночном холоде, целое и невредимое. Она быстро пересчитала овец по головам. Все двадцать семь, каждый ягненок и каждая овца на своем месте. Но звуки не утихали, все более похожие на вой, чем на плач.

Но потом что-то изменилось: рвавшийся наружу крик показался женским.

От этого крика острая боль пронзила Иммануэль. Она согнулась пополам от рези в животе, лампа выскользнула у нее из рук. Стиснув зубы, Иммануэль спешно подобрала лампу с земли, пока не пролилось масло, и трава не успела заняться огнем.

Крики становились все истошнее, пока Иммануэль не поняла, что это и не крики вовсе, а некое подобие песни. Она понимала, что должна вернуться в дом, в свою постель, где будет в безопасности, и не бередить зло, живущее в лесу. Но она этого не сделала.

Будто кто-то обвязал ее нитью вокруг грудины и притянул ближе. Будто кто-то, или что-то влекло ее в Темный Лес. И возможно, если бы она захотела, она могла бы воспротивиться этому. Могла бы прислушаться к инстинктам, призывающим ее развернуться и бежать обратно на ферму. Могла бы сдержать свои обещания.

Но она не стала делать ничего подобного.

Вместо этого она шагнула к линии деревьев, сквозь колышущуюся траву пастбища, и перелезла через окружавшую его ограду, влекомая криками из чащи. С лампой в руке Иммануэль шла на лесной зов, продираясь сквозь заросли кустарника и через деревья. Она не знала, куда идет, и что ее там встретит, но знала, даже не отдавая себе в этом отчета, что не заблудится.

Она все шла и шла. Колючие ветки цеплялись за ночную сорочку, ночной холод дышал ей в шею. Звуки словно скользили между деревьев, постепенно затихая, обрываясь на вздохах и шепоте, который терялся в свисте ветра. Теперь она могла расслышать в мелодии свое имя: «*Иммануэль. Иммануэль*».

Но ей не было страшно. Она ничего не чувствовала, кроме головокружения и легкости, будто не шла, а плыла в деревьях, невесомая, как сами тени.

Хрустнула ветка. Пальцы Иммануэль сжались вокруг лампы, и она поморщилась от зуда в забинтованной обожженной руке.

В воздухе витал запах сырости и дурмана, крики становились все тише, и до ее слуха донесся ласковый плеск воды.

Повинуясь инстинкту, она пошла на звук, подняв лампу повыше, чтобы осветить деревья. Продравшись через кусты, она вышла на небольшую поляну. Посередине поляны находился пруд, вода в котором была черная, как нефть. В нем, как в зеркале, отражался лик луны. Иммануэль остановилась у кромки воды, крепче сжимая рукоять лампы.

– Есть тут кто? – крикнула она в ночь, но звук растворился в чаще.

Несмотря на тишину, эха не было. Крики совсем стихли. Деревья стояли, не шелохнувшись.

Иммануэль понимала, что нужно бежать – по своим следам выйти из леса и бежать сломя голову обратно на ферму. Но она лишь расправила плечи и переступила с ноги на ногу, собирая в кулак последние силы.

– Если вы меня слышите, покажитесь. Я знаю, что ваш род обитает в Темном Лесу. И что вы знали мою мать и призываете меня так же, как призывали ее.

Какое бы зло они ни замыслили, Иммануэль должна была узнать обо всем сейчас и покончить с ним раз и навсегда.

От середины пруда широкими кругами разошлась рябь. Волны облизнули берег, и лампа в руках Иммануэль зашипела, как будто в ней заканчивалось масло.

В мерцающем свете из воды на отмель выплыла женщина. Иммануэль отступила на полшага назад и подняла лампу выше.

– Кто здесь?

Женщина не ответила. Она скользила по воде как рыба, путаясь конечностями в водорослях. Она подплыла ближе, и Иммануэль отметила ее красоту: такое лицо могло вскружить голову пророку и украсть сердце мужчины у него из груди. В этот момент Иммануэль узнала ее со страниц дневника матери. Та же резко очерченная линия рта была и у одной из женщин с рисунков – она могла бы показаться карикатурно широкой, если бы не пухлые, красивые губы. Темные и гладкие волосы имели оттенок ила на камнях отмели. Женщина была мертвецки бледна, точь-в-точь, как Возлюбленные, и, как у них, между бровями у нее красовалась семиконечная звезда, вписанная в круг.

Иммануэль поняла, что это была Далила, ведьма воды.

Женщина протащила животом по склону берега и поднялась на ноги. Черная грязь прикрывала ее оголенную грудь и промежность, но в теплом свете лампы явственно различались все линии и изгибы ее тела. Ведьма подошла ближе, и Иммануэль увидела, что это отнюдь не взрослая женщина, но юная девушка примерно одного с ней возраста, не старше шестнадцати-семнадцати, самое большее – восемнадцати лет.

Далила подошла так близко, что Иммануэль почуяла ее запах. От нее разило мертвечинной и лишайником, листвой и тиной. Там, при свете луны, Иммануэль разглядела ее синяки –

темные, почти чернильно-черные кляксы, портившие лицо. Правый глаз немного заплыл, обе губы были рассечены.

Ведьма протянула руку, и ее пальцы сомкнулись на запястье Иммануэль. Одним резким движением она разорвала бинты, подставляя ожог Иммануэль холодному ночному воздуху. Несмотря на все припарки и мази Анны, рана отказывалась заживать. Красная и воспаленная, она сочилась гноем и грозила оставить уродливый шрам даже после того, как сойдут струпья.

Осторожно, как мать с младенцем на руках, ведьма поднесла ладонь Иммануэль ко рту и лизнула. Прикосновение ее губ источало ледящий холод.

Потом Далила поцеловала ее: сначала холмик ладони, потом запястье, потом скользнула губами по сухожилиям вниз до самых кончиков пальцев. Все это время она не сводила с Иммануэль своих темных глаз.

Страх затопил грудь Иммануэль, перед глазами поплыл туман. В лице женщины – в ее худом, бледном, мертвом лице – она угадывала фрагменты рисунков со страниц дневника матери. Лампа выскользнула из рук и с глухим звуком упала на землю.

Далила потянула ее за собой. Иммануэль сделала робкий шаг вперед, потом еще один, на ходу сбрасывая обувь. Она вошла в воду босиком. Она чувствовала, как поднимаются вокруг волны, доставая лодыжки, икры, бедра, щекохуч изгиб ее лобка, выпуклость груди, пока вода не дошла ей до подбородка, а пятки едва касались дна.

Далила вела ее на глубину, спиной вперед, чтобы не выпускать Иммануэль из поля зрения. Мертвые, опухшие глаза вперились в нее.

А потом они ушли под воду, растворяясь в темноте, холоде и тених. Хватка ведьмы ослабла, ее пальцы соскользнули с запястья Иммануэль, и она улизнула в темный омут пруда.

Иммануэль пыталась следовать за ней, но ноги, налитые свинцом, не слушались ее, и каждое движение давалось ей с огромным трудом. Из глубины пруда повеяло холодом, и она стала тонуть, точно к ее лодыжкам были привязаны кирпичи. Грудь сдавило, она проваливалась все глубже во мрак.

В ледяной темноте мелькали лица, мимолетные миражи: улыбка матери, портреты бледных как луна Возлюбленных, плетеное тело ведьмы, горящее на кресте, новорожденная девочка, женщина с по-мальчишески коротко остриженными волосами.

Иммануэль тянулась к ним и пыталась дозваться, но ее голос искажался и растворялся в толще воды.

А потом, в тот момент, когда она уже была готова отдаться на волю бездны, ее снова потянуло вверх, и она вырвалась на поверхность, судорожно глотая воздух. На оставшемся вдалеке берегу стена леса плыла и двоилась в глазах. Ведьмы не было. Иммануэль осталась одна.

В Вефиле купание почиталось за грех. Приличным и благоразумным особам не пристало заходить в водоемы, ведь там властвовали демоны. Но одним летом, когда они обе еще были юны и отважны, Лия втайне научила Иммануэль плавать. Они бултыхались на речном мелководье, зажимая себе носы, пока Иммануэль не научилась дышать между гребками.

Иммануэль думала о Лие все время, пока она плыла и толкалась ногами, следуя на свет своей лампы, оставшейся на берегу пруда. Подводные течения тянули ее за лодыжки, и каждый гребок давался с трудом. Наконец выбравшись на отмель, она выползла на сушу на четвереньках и рухнула там без сил, отплевываясь от ила.

Иммануэль спас ее грех.

Когда на дрожащих руках она привстала с земли, то увидела, как из тени подлеска вышли две босые ноги и шагнули в бледный ореол света лампы. Убрав со лба мокрые локоны, она подняла глаза и увидела нависшую над ней фигуру – женскую, и вместе с тем звериную.

Она – ибо Иммануэль не сомневалась, что существо было женского пола – казалась высокой и нескладной. У нее были длинные и стройные ноги, руки низко опущены, кончики паль-

цев касались коленей. Она стояла совершенно голая, и даже скромный пушок не прикрывал ее лобка. Но не ее нагота привлекла внимание Иммануэль, а олений череп, венчавший ее тонкую бледную шею. Костяная корона.

Ее имя сорвалось с губ Иммануэль, словно проклятие:

– Лилит.

Зверь звучно фыркнула. Пар повалил из отверстий ее черепа, за клубился вокруг рогов.

Иммануэль низко припала к сырой земле. Даже перепуганная насмерть, она понимала, что перед ней стоит королева. Она потупила взгляд, сердце билось о ребра с такой силой, что отдавалось болью. Так она и лежала, простертая на земле в темноте, прерывисто дыша, и слезы оставляли дорожки в грязи и иле на ее щеках.

Там она и умрет, Иммануэль была в этом уверена. Умрет, как и остальные глупцы, которые додумались забрести ночью в лес. Она сомневалась, что попадет на небеса, со всеми ее грехами и выходками, но все равно молилась.

Зверь пошевелилась. Босые пальцы ног впились в землю, когда она опустилась на корточки. Иммануэль рискнула поднять на нее взгляд. Гигантский череп был склонен набок в движении столь человеческом, девичьем даже, что на мгновение Иммануэль подумалось о Глории.

Зверь подняла руку, лишь отдаленно напоминающую человеческую. Длинными, неправдоподобно тонкими пальцами она провела по переносице Иммануэль, затем скользнула вниз, к ямке над верхней губой.

Иммануэль в оцепенении искала взглядом глаза Лилит, всматриваясь в пустые черные глазницы грозного черепа. Но не находила в них ничего, кроме пара и клубящихся теней.

У нее подогнулись колени.

Лилит обхватила ее запястье своей большой ледяной ладонью и подняла на ноги. Ветер дрожью прошелся по лесу, и деревья, казалось, склонились и затрепетали перед ее ликом. Вода в пруду забурлила и поднялась, туман затянул поляну, за клубившись у нее в ногах. Лилит подняла руку, чтобы заправить локон за ухо Иммануэль, и что-то похожее на плач сорвалось с ее губ.

А затем живот Иммануэль снова пронзила боль, и она согнулась пополам, еле устояв на ногах. Она снова взмолилась о своем спасении – на этот раз вслух, вызывая к Отцу, а потом к Матери и, наконец, к самой Лилит – ко всем богам, которые только соизволят ее услышать.

Но ответа не было ниоткуда. И только невыносимая боль скручивала живот.

И когда колени Иммануэль совсем ослабли, по ее ноге заструилась кровь. Кровь текла по округлой икре и, соскользнув вниз к лодыжке, растворялась в воде, плескавшейся у ног Иммануэль.

И вдруг пруд застыл.

Ветер утих, и деревья перестали неистовствовать.

Лилит медленно отступила в тень, низко нагибая голову, чтобы не зацепиться рогами за ветки. Иммануэль могла поклясться, что в этот момент что-то промелькнуло в ее черных глазницах. А потом ведьма исчезла.

Иммануэль бежала. Но с каждым шагом, с каждым рывком через кусты и папоротники, боль в животе усиливалась, темнота стужалась, и лес, казалось, засасывал ее, возвращая на десять шагов назад после каждых пяти, сделанных ею. Над головой выгибались в странном калейдоскопе ветви, лунный свет дробился на осколки, смазывались тени, и звезды мерцали в темноте ночи.

Но она упрямо бежала вперед, пока темнота хватала ее за ноги и пыталась утянуть обратно в чашу леса. Она увидела в темноте мерцающий вдали огонек. Тусклый свет согретых свечами окон. Ферма Мура выглядывала в просветы между деревьями.

Боль вспорола живот, уши наполнились громким ревом, и тени обступили ее со всех сторон. Последним, что увидела Иммануэль, прежде чем ночь поглотила ее, был яркий глаз луны, подмигивающий через деревья.

Глава 9

С кровопусканием приходит сила небесная и сила адская. Ибо железное подношение дарует искупление во всех его многочисленных формах.

Священное Писание

Очнулась Иммануэль распростертой на полу. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что она находится не в дебрях Темного Леса, а у себя дома, лежит вниз лицом под кухонной раковиной. В другом углу комнаты, у черной двери, которая осталась слегка приоткрытой, валялся ее плащ, промокший и грязный.

Вмиг нахлынули воспоминания о минувшей ночи. О Далиле, скользкой в камышах и водах отмели; о Лилит, удаляющейся в тень Темного Леса так же бесшумно, как появилась; о том, как смыкались вокруг ветви, и все окутывала тьма. Она вспомнила, как бежала по лесу, как болел живот, как истекала кровью, как упала без сил на опушке, и как луна смотрела на нее в просветы между деревьями.

Она бы решила, что все это был сон, если бы не черная грязь, запекавшаяся под ногтями, слипшиеся волосы и мокрая ночная сорочка.

Нет, все это случилось. Все случилось на самом деле.

По голубому свету, пробивающемуся в кухонное окно, она поняла, что близится рассвет, впрочем, насколько она могла судить, остальные домочадцы еще не проснулись. Она вздохнула с облегчением. Она боялась себе даже представить, какую взбучку устроила бы Марта, узнай она, что Иммануэль снова ходила в лес.

Чувствуя в горле подступающую тошноту, Иммануэль выбросила эти мысли из головы. Живот снова прошило тупой болью, и она поморщилась. Прищурившись, она посмотрела вниз и увидела на полу между своих ног маленькую лужицу остывшей крови. Из Иммануэль обильно текло, и красная влага пропитывала юбки насквозь и пачкала половицы.

Ее первые крови.

Иммануэль срочно взялась за уборку, протирая кровь старым кухонным полотенцем и отмывая грязь. Когда пол был начисто выдраен, она прокралась наверх в умывальную, взяла горсть тряпок из корзины у раковины и кое-как зачихала их себе в штаны, чувствуя себя не женщиной, а маленьким ребенком, который испачкался и пытается переодеться самостоятельно. Ее крови должны были принести радость и облегчение – несмотря на все прогнозы, она наконец стала женщиной, – а вместо этого она чувствовала себя маленькой, уязвимой и слабой.

Иммануэль поделилась новостью сперва с Анной, а потом и с Мартой. В возбужденной суете ее усадили за стол в столовой, подали чашку дымящегося малинового чая и яичницу с жареными пирожками, хотя из-за плохого самочувствия у нее совершенно не было аппетита. Но, несмотря на настойчивые уговоры Анны оставаться в постели, к восходу солнца Иммануэль уже направлялась к пастбищам с посохом в руке. Выпас овец давался ей с трудом. Она была медлительной и уставшей после ночи в лесу, и в животе болело от кровей. Казалось, ее состояние передалось и овцам. Бараны не могли уgomониться, ярко нервничали. Ягнята блеяли при каждом дуновении ветерка, словно боялись, что очередной порыв сорвет мясо с их костей. У Иммануэль все силы ушли на то, чтобы перегнать отару на западные пастбища, и, справившись наконец с этой задачей, она упала в высокую траву, обессиленная от болей.

Сразу за пастбищем высился Темный Лес, и тень от него напозла на равнину по мере того, как солнце поднималось в небе. Пара стервятников кружила над соснами, зависая в воз-

духе, но ведьм не было и следа. Ни лесных женщин. Ни страстных Возлюбленных. Ни Далилы, которая пряталась бы среди деревьев. Ни Лилит.

Лес был тих.

Свет восходящего солнца уже пробивался сквозь деревья, и мысли Иммануэль вернулись к последней записи в дневнике Мириам: *«Кровь. Мор. Тьма. Резня. Отец, спаси их»*.

Что такого Мириам видела в этом лесу, что побудило ее написать эти строки? Что такого она знала, чего не знала Иммануэль? И, возможно, самое главное: что за животная тяга заставляла Иммануэль возвращаться в лес снова и снова, несмотря на все риски?

Почему лес звал ее?

Иммануэль могла бы просидеть так весь день, глядя на деревья и пытаясь разобраться в себе, если бы ее не отвлек звук собственного имени.

Она повернулась, шурясь против солнца, и увидела, что к ней направлялся Эзра со свертком в руке.

– Доброе утро, – поздоровался он.

Иммануэль с горечью вспомнила, как видела его вечером накануне на опушке леса, в объятиях Джудит.

Иммануэль перевела взгляд на своих овец. Поодаль батрак Муров, Джозайя, отгонял стадо подальше от Темного Леса.

– Да будет на то воля Отца.

Эзра остановился в паре шагов от нее, но ветер донес до Иммануэль его запах – запах свежескошенного сена и кедра. Повисло молчание. Он сунул руки в карманы.

– Я пришел извиниться.

Иммануэль опешила и не знала, что сказать. Служителям церкви редко приходилось извиняться, потому как и грешили они редко.

– Извиниться за что?

Эзра присел около нее на траву, совсем рядом, почти соприкасаясь плечами. Он молча посмотрел на пастбище, а потом повернулся к ней.

– За то, что ты видела вчера, после пира. Я вел себя недостойным своего имени образом. С моей стороны это было низко, и к тому же я поступаю эгоистично, посвящая тебя в свои грехи.

Его грехи ее не касались. Иммануэль перевела взгляд на деревья. Она молчала, подтянув колени к груди. Не дождавшись ответа, Эзра сунул ей в руки сверток, который принес с собой.

Иммануэль собиралась отказаться от подарка, пока не ощутила в руках его вес и форму. Это была книга.

– Это книга, которую ты читала на рынке, – пояснил он, когда она разорвала обертку. На его щеках заиграл легкий румянец, и он выглядел почти смущенным, хотя она знала, что это невозможно. Девушки вроде нее не способны вгонять в краску юношей вроде него. – Почти такая же.

Иммануэль пролистала книгу до середины, пока не нашла стихотворение, которое читала в тот день. И верно, книга была та же самая, только переплет другой, и почти на каждой странице стояла церковная печать. Похоже, этот том Эзра отыскал в личной библиотеке пророка, догадалась она вдруг. Широкий жест, если не считать того, что это был подкуп.

– Мне не нужна книга, чтобы держать язык за зубами, – она захлопнула фолиант и протянула ему обратно. – Это твое личное дело. Я никому не расскажу. Можешь не беспокоиться.

– Я и не беспокоюсь. Просто... чувствую перед тобой вину за то, что приходится просить тебя хранить мои секреты.

– Не надо ни о чем просить, – сказала Иммануэль, упрямо протягивая ему книгу. – Мне нетрудно.

– Но это грех.

Вот тут Эзра попал в точку. Это действительно был грех, и притом тяжкий. За подобное преступление Дэниэл, ее отец, сгорел на костре. Но в свете того, что она видела прошлой ночью в лесу, это казалось таким ничтожным.

– Грехи могут быть прощены, – ответила она, повторяя слова Лии, произнесенные несколько суббот тому назад.

– Да, – согласился Эзра, – но от чувства вины не так-то просто избавиться.

– Поэтому ты решил отдать мне книгу? Чтобы избавиться от чувства вины?

– Если тебе это не слишком сложно, – пожал плечами Эзра. – Кроме того, я был бы рад такому собеседнику.

– Чтобы говорить о поэзии?

Он кивнул.

– В библиотеке есть еще много всего. Я могу поискать, принести тебе еще книг.

– Не стоит, – отказалась Иммануэль, – хватит и этого. Но спасибо. Даже если ты просто хочешь купить мое молчание.

Она поморщилась, испугавшись, что опять перегнула палку и ляпнула лишнего, но Эзра только улыбнулся.

Только сейчас она заметила россыпь бледных веснушек у него на носу, слегка искривленном, как будто по нему крепко заехали кулаком в школьной драке. Возможно, так оно и было. Слухи об Эзре разлетались так же стремительно, как и слухи о ней самой. Он пользовался репутацией человека чрезвычайно умного, вечно занятого чтением или учебой; человека, который умел задавать правильные вопросы. Он был силен, обладал волевым характером своего отца, и, так же как он, внушал к себе уважение большинства вефилян, а если и не уважение, то во всяком случае страх – страх перед силой пророка, плававшей в нем священным огнем, хотя Первое Видение до сих пор и не посетило его.

– Что у тебя с губой?

Вопрос Эзры вывел ее из задумчивости, и она поймала на себе его изучающий взгляд. Она дотронулась до того места, куда стукнул ее Иуда. Разбитая губа уже давно затянулась коркой, но синяк и припухлость в углу рта так и не зажили.

– Проиграла неравный бой с бешеным бараном.

– С которым ты приходила на рынок?

– Да, – она подумала об окровавленной голове Иуды, оставленной на пне, как сувенир, и выпалила: – Его убили.

– Принесли в жертву? – он снова бросил взгляд на пастбище.

Она начала отрицательно качать головой, но передумала.

– Возможно.

Эзра поднялся на ноги и потянулся, разминая плечи.

– Скажешь, понравилась ли тебе книга. В Обители есть библиотека, там этого добра навалом. Я могу достать тебе все, что угодно.

Иммануэль только собралась ответить ему, что девушке вроде нее лучше не связываться с книгами пророка, как бы ей ни хотелось их прочесть, как вдруг над пастбищем разнесся крик. Иммануэль узнала голос Глории.

На мгновение повисла тишина, и следом раздался второй крик.

Иммануэль пулей вскочила на ноги. Эзра встал перед ней, словно стараясь заслонить ее от опасностей, которые могли поджидать их на пути. Но у Иммануэль не было времени на его кавалерство. Она оттолкнула его и ринулась на отзвуки криков Глории. И пока она бежала, все ее мысли занимали только женщины из леса – ведьмы с мертвыми глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.